

КАТРИНЕ ЭНГБЕРГ

«Катрине Энгберг —
абсолютная звезда!».
Камилла Лэкберг

18+

КРОВАВАЯ ЛУНА

Триллер по-скандинавски

Катрине Энгберг

Кровавая луна

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

Энгберг К.

Кровавая луна / К. Энгберг — «Издательство АСТ»,
2017 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-107403-6

В Копенгагене наступила суровая зима. Следователь Йеппе Кернер только что вернулся из отпуска, но его хорошее настроение длится недолго – в парке в сугробе найдено тело мужчины. Поначалу полиция считает, что это замерзший бездомный, но вскоре выясняется, что это зверское убийство знаменитости в мире моды. Но кто и как его убил остается загадкой. Йеппе Кернеру поручают вести дело вместе с коллегой Анетт Вернер. Они выясняют, что жертва была очень хорошо знакома с лучшим другом Йеппе – Йоханнесом Ледмарком, но он бесследно исчез. Что заставило его сбежать? Грозит ли ему опасность? Или это он виновен в преступлении? Йеппе Кернер все глубже и глубже увязает в запутанной паутине лжи. Книга переведена на 26 языков.

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-17-107403-6

© Энгберг К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Катрине Энгберг

Кровавая луна

Blodmåne

Katrine Engberg

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Katrine Engberg, 2017

© Жиганова В., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Моему отцу, Яну Леону Катлеву, любителю полной Луны.

*Это высокие слова; мы должны быть уверены,
что заслужили их. Вслушайтесь, как они звучат: «Я тебя люблю».*
Джулиан Барнс

Пролог

Далила уперлась руками в сырую кирпичную стену туалета и расставила ноги, чтобы клиент смог протиснуться в кабинку. Вместе с каблуками ее рост составлял сто восемьдесят сантиметров, мужчина был гораздо ниже и не представлял собой ничего выдающегося. Ему не сразу удалось войти в ее плоть; он схватил Далилу за шею и дернул вниз, чтобы облегчить проникновение. Она не испытывала дискомфорта. Если клиент проявит излишнюю жестокость, сутенер, который контролирует ситуацию с обзорной точки у железного забора, тут же прибежит и остудит его пыл.

Она замерзла. Вообще-то она мерзла постоянно, с того самого момента, как приехала сюда около года назад; лето или зима, она не ощущала особой разницы, когда ветер забирался под пуховик и добирался до ее голых бедер. Но сейчас было хуже, чем обычно. Этот январь месяц побил все исторические рекорды холода. Местные говорили о «ледяной зиме». Если бы кто-то поинтересовался ее мнением на этот счет, она предпочла бы назвать такую погоду «ледяным адом». Но никто не интересовался. Кожа на щеках обветрилась, глаза слезились. Зато под ногами забавно хрустело, когда она прогуливалась вверх и вниз по улице Скельбэк, а парки из-за холода совсем вымирали по ночам, так что можно было спокойно обслуживать клиентов.

Она подалась вперед и прижалась к мужчине вплотную, напевая про себя какую-то мелодию и размышляя о том, какой подарок послать сыну на день рождения. Может быть, машинку, красного цвета, с пультом дистанционного управления. Ему должно понравиться.

Освободившись от семени, мужчина разразился потоком бессвязного бурчания.

Далила откинула голову назад и посмотрела на луну. Это была та самая луна, которая вставала в небе Ганы, она пробуждала то же томление. Скоро полнолуние.

Она не заметила бездомного, пока клиент неожиданно не закричал:

– Вали отсюда! От тебя несет мочой!

Он замахнулся на бродягу, даже не думая отпускать Далилу.

Бездомный стоял очень близко и странно покачивался. Для бомжа он был слишком приличен, но даже в темноте она заметила, насколько он бледный. Кажется, наркоман. Характерный отсутствующий взгляд вряд ли являлся следствием перебора с алкоголем.

– Помогите!

Шепот бездомного прозвучал так глухо, что почти растворился в столах клиента. Но если и существовало слово, которое Далила поняла бы на любом языке и расслышала бы на любом уровне громкости, то это было именно оно.

Она послала бездомному вопросительный взгляд, но бедняга, казалось, не замечал ее. Шатаясь, он открыл рот, словно собирался сказать что-то еще. Глазные яблоки закатились и полностью скрылись под верхними веками, руки лихорадочно задержались, сухой хрип послышался из глубины широко раскрытого рта.

Затем его начало рвать, обильно и надсадно.

Изрыгаемые массы были темные и вонючие. В перерывах между двумя спазмами он открывал рот в беззвучном крике, обращенном к луне. Язык его был окровавлен, ротовая полость как будто разодрана в клочья. Он весь словно плавился на глазах.

Он рухнул; сначала осел на колени, затем тяжело приземлился лицом в снег. Под землей прогудела городская электричка.

Клиент натянул штаны и бросился к забору в сторону Нёрре Вольдгэде.

– Эй, чувак, ты забыл заплатить! – Далила кричала в основном для того, чтобы ее услышал сутенер. Уж он-то позаботится о том, чтобы выцарапать деньги у плутишки, прежде чем

тот запрыгнет в свой «универсал» и рванет домой куда-нибудь в пригород, с облегченными шарами и свежевывдуманными историями о городских похождениях.

Она выудила из кармана влажную салфетку и вытерла вагинальную смазку с ягодиц, а затем наклонилась и потормошила бездомного.

– Эй! Эй, дружок, ты в порядке?

Жуткая вонь и вид травмированной ротовой полости хорошенько встряхнули ее.

– Чувак, да ты тут околеешь.

Никакой реакции не последовало.

Она огляделась, но поблизости никого не обнаружила. Не заметила она и фигуры человека, притаившегося в кустах всего в нескольких метрах за ее спиной и тихо наблюдавшего за происходящим.

Холодный прозрачный лунный свет озарял снег. Она склонилась над беднягой и, приложив кое-какие усилия, перевернула его на спину. Аккуратно отогнув полу куртки, она принялась искать.

Вот и кошелек. Наличных в нем было порядочно, насколько Далила могла оценить. С левого запястья бездомного она сняла удивительно элегантные часы.

Запихнув сокровища к себе в трусики, она до самого горла застегнула пуховик и быстро направилась под свет фонарей.

Глава 1

Четверг, 28 января

– Да. М-м-м, хорошо. Парк Эрстеда? Выежаю.

Следователь полиции Йеппе Кернер проснулся от звука собственного сонного голоса, прорезавшего январскую темень спальни.

Он встал с кровати. Рутинные действия были отработаны до автоматизма и почти не требовали осмысления: принять душ, непродолжительный и прохладный, натянуть кальсоны под джинсы, сунуть в карман записную книжку, нахлобучить шапку на коротко подстриженную шевелюру. Через семь минут после телефонного звонка он уже стоял в прихожей перед зеркалом, застегивая молнию на флисовой толстовке. Пытаясь собраться с мыслями и пробудить умственные способности.

Размытое отражение в зеркале покачивалось. Загар еще не сошел, хотя Йеппе вернулся в родной мрак и холод уже две недели назад. Поездка оказалась лучшим событием, которое он когда-либо инициировал ради самого себя: четыре недели в Западной Австралии, на побережье от Перта до Брума. На путешествие была потрачена основательная часть сбережений, но значимость этой поездки невозможно было измерить в денежном эквиваленте. Он отправился туда сломленным человеком, страдающим от болей в спине, впадшим в полную зависимость от опиатов. Утратившим веру в любовь и надежду на будущее. А теперь он вновь в строю.

Йеппе снял с крючка ключи от машины, проверил наличие в кармане рабочего удостоверения и заряженного телефона и захлопнул за собой дверь. От холода у него едва глаза не заledenели. Мороз проникал под одежду, просачивался под кожу и медленно, но верно вытягивал оптимистичный настрой. Вся жизнь застыла вокруг, момент ледяного оцепенения все длился и длился. Йеппе изо всех сил старался сохранить жизнелюбие, обретенное на противоположной стороне земного шара.

Промерзший двигатель завелся лишь с третьей попытки. Йеппе оставил его прогреться на холостом ходу, а сам тем временем принялся энергично счищать с ветрового стекла ледяные узоры. На первой скорости он вырулил на дорогу между коттеджами и по заснеженному шоссе потихоньку двинулся в сторону города. Часы показывали половину четвертого утра, улицы Копенгагена напоминали декорации, оставшиеся после съемок фильма про Апокалипсис.

На пересечении Фаримасгэде и бульвара Г. Х. Андерсена Йеппе пропахал снежную целину в направлении тротуарного бордюра и остановился перед парком Эрстеда. Кое-как запарковался. За железной оградой парка виднелся свет – видимо, специалисты из НЦК, Национального центра криминалистики, уже прибыли и врубили свои мощные фонари. Йеппе вошел в зону оцепления, кивнув паре полицейских, поставленных на входе, и направился к детской площадке, расположенной неподалеку от ворот.

Группа криминалистов в синих костюмах сконцентрировалась вокруг какого-то силуэта на снегу перед туалетом. Подойдя ближе, Йеппе увидел, что это силуэт человека. Мертвого человека. Тело лежало, свернутое в позу эмбриона: спиной вовне, колени подтянуты к грудной клетке. Туловище будто обернулось вокруг того места, где некогда располагалась пуповина, – этот участок тела коченеет в последнюю очередь, когда человек замерзает насмерть. Жизнь покидает наше тело в той же последовательности, в какой проникает в него.

Йеппе вздохнул. Очередная потеря.

К нему направился один из мужчин, облаченных в синие костюмы. Йеппе узнал в нем Лима 11, ведущего специалиста по техническим работам на месте преступления. Его первым вызывали при обнаружении тела, он определял дальнейший план работ.

– Кернер, рад тебя видеть.

– Благодарю. Что у нас имеется?

Йеппе невозмутимо промокнул слезящиеся глаза перчаткой. Проклятый холод!

– Похоже, бомж. Перебрал спиртного и замерз насмерть. Облевал все вокруг и улегся поспать.

– Понятно. Что-то настораживает?

– Пока нет. Однако свидетелей не выявлено, точная причина смерти не установлена, у умершего не оказалось при себе удостоверения личности. А потому на данный момент я вынужден признать этот смертельный исход подозрительным. Стандартная схема.

– Кто его обнаружил?

Лима 11 сверился с записями у себя в блокноте.

– Патруль из участка Сити обнаружил тело в 01:54, прибывший на место врач «Скорой помощи» официально констатировал смерть в 02:21. Криминалисты приехали в начале четвертого и сразу принялись за дело при свете своих фонарей. Хреново работать, когда так темно и скользко.

– Судмедэксперт на месте?

Лима 11 кивнул на долговязую фигуру у туалета. Это Ньюбо, сомнений быть не могло. Ведущий судмедэксперт, профессор судебной медицины, он имел слишком солидный стаж для того, чтобы быть вызванным и явиться в парк Эрстеда посреди ночи.

Вынув из кармана блокнот, Йеппе направился к нему.

– Привет, Ньюбо. Чем обязаны честью?

Это был высокий мужчина, которому всю жизнь приходилось наклоняться к собеседникам, так что в итоге у него скривилась шея. В центре его седой шевелюры уже обозначилась лысина. Но авторитет во взгляде оставался неизменным, и уверенность в себе ничуть не пострадала.

Он обернулся и слегка кивнул.

– Я совершенно не могу спать зимой. В период с октября по март я превращаюсь в настоящего полуночника. Тьма все равно не дает мне заснуть, так почему бы и не поработать? – Ньюбо провел рукой по редким волосам. Он выглядел уставшим. Продрогшим насквозь. Йеппе захотелось предложить ему свою шапку, но он сдержался. Ньюбо вряд ли одобрил бы такую заботу. – На снегу обнаружены следы от подошв, криминалисты уже сняли отпечатки и приступили к их изучению. Но тут в парке по ночам кто только не шляется, так что едва ли нам стоит связывать с этой находкой особые надежды.

– И что же нам известно на данном этапе?

– Пока не особо много, мы ведь только-только приехали. Но у меня имеется вполне обоснованное предположение, что речь идет о бездомном, который облевал себя какой-то алкогольной дрянью, а затем угодил в объятия Госпожи Метелицы. К сожалению, каждую зиму бывает по несколько подобных случаев.

Йеппе едва не поперхнулся.

– То есть мне, в общем-то, и не было особой нужды сюда ехать?

– Нет. Нам необходимо осмотреть тело и решить, надо ли проводить вскрытие. Я, впрочем, считаю, что обойдется без вскрытия. Мы скоро увезем труп. Не вижу никаких оснований для того, чтобы ты ехал с нами.

– Уверен?

Ведущий судмедэксперт глянул на Йеппе так, словно тот произнес бранное слово.

– Я передам результаты осмотра патрульным из Сити, чтобы они могли вставить эту информацию в рапорт.

– Хорошо. Я тут все-таки немного осмотрюсь.

Ньюбо любезно кивнул.

– Конечно. Ты пока нам не мешаешь.

Он натянул перчатки и сел на корточки перед трупом. Йеппе бросил взгляд из-за плеча судмедэксперта.

Тело лежало головой к туалету. Лицо было скрыто всклокоченными темными прядями волос, выбившимися из-под шерстяной шапки. Йеппе разглядел лишь гладко выбритые щеки и светлую кожу, мерцающую в свете мощных рабочих ламп. Край шапки смыкался на задней части шеи с воротом вязаного свитера, поверх которого было надето темное шерстяное пальто – оно вполне вписалось бы в образ какого-нибудь элегантного бизнесмена, если бы не изобилие нашивок и пятна рвоты.

Я вполне мог бы оказаться на его месте, пришло в голову Йеппе. Он на несколько шагов отступил от тела в темноту. Если бы окружающий мир не захватил его с новой силой, что могло бы с ним случиться? Год назад в канун Нового года его существование было вдребезги разбито изменой жены, последующие несколько недель он провел на диване у своего лучшего друга, Йоханнеса, а остальную часть времени – в полубреду под действием психотропных препаратов. Абсолютная чернота. Но жизнь вновь увлекла его за собой. Последний Новый год он отметил в окружении красных скал неподалеку от «Природного окна»¹ холодным пивом на кемпинговой стоянке и замечательным сексом в палатке. Сексом с юной красавицей Ханной. И он пошел дальше. Он пожелал Терезе и ее широкоплечему возлюбленному счастливого Нового года и побольше романтических ночей в компании новорожденного малыша.

Йеппе сфотографировал труп и здание туалета на мобильный телефон, отметил в блокноте основную информацию и попрощался с командой профессионалов, после чего повернулся спиной к яркому свету мощных ламп и зашагал к своему автомобилю. Ему еще удастся поваляться в постели пару часов, прежде чем надо будет вновь отправляться на работу.

Кстати, насчет Йоханнеса. Йеппе отправил ему смс с напоминанием об их договоре встретиться вечером и выпить где-нибудь пива. Затем прогрел автомобиль и наконец-то направился в Вальбю. Йоханнес работал актером и часто отсутствовал – то в связи с зарубежными съемками, то из-за ночных съемок. Востребованный и активный по жизни, он был довольно беспамятлив. Йоханнес не раз «кидал» его, однако Йеппе и не думал отступать. Раз уж их дружбу ничто не поколебало в течение двадцати пяти лет, не разрушит ее и раненое тщеславие одного из друзей.

Припарковавшись, Йеппе нащупал ключи. Он промерз насквозь, пока возился с замком, но наконец победно толкнул входную дверь. Рюкзак, стоявший в прихожей, с грохотом упал, щедро вывалив на пол из своих недр сандалии, спальный мешок и походные столовые приборы. Он так и не отнес его в подвал. Убрать рюкзак с глаз долой было бы слишком жестким поступком, даже несправедливым. Все-таки в нем в течение четырех недель заключался весь скарб Йеппе, все вещи, необходимые ему для существования в этом мире. Присутствуя в этой полупустой прихожей, рюкзак воплощал собой один квадратный метр жизни в 140 квадратных метрах абсолютно мертвого жилища; он был связан с представлением о доме гораздо больше, чем то, что являлось этим самым домом для них с Терезой всего год с небольшим назад. Теперь дом решили продавать. У Йеппе не было столько средств, чтобы выплатить бывшей супруге ее долю, да и на что ему одному сдалась эта вилла в Вальбю?

Улегшись на постель прямо в одежде, Йеппе прикрыл глаза. Он еще не начал заниматься вопросом продажи. Возможно, займется ближе к весне.

«Que sera, sera. Whatever will be, will be...»²

Эти строки крепко застряли у него в голове, так что заснуть он так и не смог. Правое полушарие его мозга в любое время суток инициировало бесконечное воспроизведение отрывка из какой-либо случайной музыкальной композиции. Психологи из полицейского управления

¹ «Природное окно» – смотровая площадка в австралийском национальном парке Калбарри.

² «Что будет, то будет» (*фр., англ.*) – песня из кинофильма А. Хичкока «Человек, который слишком много знал».

назвали это явление стрессовым синдромом. Йеппе в очередной раз зевнул и решил – ну и пускай музыка будет фоном, звучащим откуда-то из затылочной мозговой доли.

«The future's not ours to see...»³

* * *

– Черт возьми!

Взглянув на часы, следователь полиции Анетта Вернер вновь подумала, не отложить ли ей свои планы. Было уже восемь часов, а она терпеть не могла опаздывать. Она и так все утро ничего не успевала; проснувшись от того, что эрекция Свена настойчиво заявляла о себе, и к моменту выхода из дома Анетта не успела толком ни принять душ, ни позавтракать. Однако дело уже не терпело отлагательств. Выставив время на парковочном диске, она захлопнула за собой двери автомобиля и направилась к аптеке.

Внутри было на удивление безлюдно. Анетта поспешила к кассе.

– Добрый день, мне нужен тонометр.

– А вы взяли номер? – Дама за прилавком сурово взглянула на нее сквозь толстые линзы очков и продолжила распечатывать этикетки.

– Но ведь кроме меня здесь нет ни одного клиента, – попыталась возразить Анетта.

– Но есть установленный порядок работы.

Анетта вернулась к входу, нажала кнопку выдачи номеров и взяла вылезшую бумажку.

– Вот!

– Я сама вас вызову. Будьте добры, отойдите немного назад и следите за номерами на цифровом табло. Благодарю.

Анетта почувствовала, как у нее учащается сердцебиение. Если миссис Аптекарьша сейчас же не обслужит ее, Анетта засунет принтер так глубоко в задницу этой твари, что она целую неделю будет испражняться этикетками.

Спустя минуту дама вывела на экран номер Анетты, тем самым позволив заплатить 499,95 крон за автоматический электротометр, не забыв при этом провести инструктаж по пользованию прибором и настоятельно рекомендовать посетить семейного доктора. Когда Анетта наконец вышла из аптеки, пульс оказался настолько высоким, что ей пришлось в течение пяти минут неподвижно сидеть в машине, прежде чем она смогла воспользоваться аппаратом.

Ноги вытянуты, рука расслаблена, никакого стресса. Манжета сдулась, Анетта покосилась на дисплей – 172 на 118. Да уж, высокогато. Действительно, надо бы сходить к врачу. Только не к тому, который похлопает ее по плечу и отправит домой отдыхать. Анетта предпочитала, чтобы ее отпустили из медицинского кабинета с уверениями, что она здорова как бык. А прибор... Она упаковала его обратно в коробку. Пускай полежит пока в машине, он как раз хорошо помещается в «бардачке».

Вскоре, запыхавшаяся и покрасневшая, она влетела в кабинет управления полиции Копенгагена, который делила с Йеппе, и принялась избавляться от многочисленных слоев верхней одежды и разматывать шарфы. В мрачном коридоре с высокими потолками, который объединял кабинеты сотрудников отдела преступлений против личности, подразделение № 1 – отдела убийств, проще говоря, – было сегодня тихо и пусто. Безлюдно, как в русском Зимнем дворце в ночное время, и почти так же холодно.

Начало года в Управлении выдалось необычайно напряженное, из-за чего личный состав оказался охвачен стрессами, гриппом и волной массовых отгулов, по сравнению с которыми те же самые проблемы в медицинской среде выглядели цветочками. Организация испытывала

³ «Мы не властны знать будущее...»

на себе последствия опрометчивого решения о переезде в новое здание в Тайльхольме. Наркоотдел и отдел по борьбе с организованной преступностью уже переехали, но в результате необъяснимого просчета размеры нового здания не соответствовали насущным потребностям и численности сотрудников, а потому отдел убийств до поры до времени оставался в прежнем помещении.

– А я и не знал, что у нас теперь принято являться на работу ближе к обеду. Наверное, я пропустил какое-то важное распоряжение? – Юмор Йеппе всегда носил налет сарказма, и догадаться, что он просто мило пошутил, зачастую бывало сложно. Вообще-то, после отпуска длиной в целый месяц он мог бы и воздержаться от комментариев по поводу ее опоздания.

– Если уж ты так рано пришел на работу, мог бы купить по дороге каких-нибудь булочек. – Анетта красноречиво посмотрела на пустой стол, где булочками и не пахло, и принялась расстегивать кардиган, с досадой обнаружив, что под мышками у нее расплылись пятна пота. – Было тут одно дело по дороге. Кстати, утро у меня выдалось просто чудесное. Спасибо, что поинтересовался.

– Я не интересовался.

– Вот именно!

Анетта взглянула на старомодный ртутный термометр на стене и поежилась. Пятнадцать градусов – с ума сойти можно! – а Йеппе даже не удосужился ничего предпринять, чтобы исправить ситуацию. Опустившись на колени, она объявила войну радиатору.

– Вообще-то, пора нам завязывать с белым хлебом, Анетта. Он явно не идет нам на пользу.

– Ты хотел сказать, что он мне не идет на пользу, да? – Анетта подняла голову и недовольно посмотрела на напарника. Бывали дни, когда его предостережения, даже самые доброжелательные, просто выводили ее из себя.

– Белый хлеб – это в принципе нездоровая пища. Ты не согласна?

Смахнув со своего свитера невидимые пылинки, Йеппе внимательно изучил ладони.

– О боже, избавь меня от этого! Давай не будем сейчас читать проповедь о здоровом питании, а? Неужели мне недостаточно того наказания, что я вынуждена весь день сидеть с тобой в одной комнате?

Она поднялась и включила компьютер, чтобы запустить POLSAS, устаревшую систему обработки данных и учета дел.

– Пойду загляну на кухню, а то я просто умираю от голода.

Выходя из кабинета, Анетта заметила, что взгляд Йеппе устремлен на ее внушительный зад. Его кратковременная память была столь же нестабильна, сколь безапелляционно осуждение в ее адрес. Ведь буквально несколько месяцев назад он сам утолял голод бесконечным кофе и шоколадными батончиками. Обнаружив в холодильнике хлеб для тостов и пачку салями, она наделала себе бутербродов. Легко вести здоровый образ жизни, болтаясь по Австралии с двадцатичетырехлетней веганкой и не имея под рукой ничего съестного, кроме кенгурятины с латуком.

Когда она вернулась, Йеппе сидел, сцепив пальцы на затылке и задрав ноги на двойной рабочий стол. Его ботинки покоились прямо на материалах исследований, проводимых в последние месяцы, на их основании предстояло провести оценку и перспективу персонального развития сотрудников, кроме того, здесь же на столе лежала целая стопка бухгалтерских отчетов и неразобранных документов. Иными словами, Анетте предстоял один из тех дней, в которые она искренне жалела, что не стала дантистом.

Она плюхнулась в кресло, стараясь удержать на каждой ладони по бутерброду. В результате на стол все-таки упал кусочек салями, который она поспешно подобрала и отправила в рот.

Йеппе отвернулся.

– Ну, поскольку ты пропустила утреннее собрание, видимо, ты ничего не слышала о бездомном, обнаруженном в парке Эрстеда?

– Нет. Что там стряслось? – Анетта протолкнула в горло кусок хлебного мякиша, чтобы обрести более-менее членораздельную речь. – Очередной «цыпленок табака»? – Она имела в виду то, что, к сожалению, во время зимних холодов перебравшие с алкоголем частенько замерзали насмерть в городских парках.

– Угу, похоже на то. Я ездил на место посмотреть, но Ньюбо сказал, что тут вряд ли есть что-то по нашей части.

– Ночью? Где это случилось?

– Парк Эрстеда. На детской площадке, что граничит с Фаримастэде. Меня вызвали около трех ночи.

Анетта кивнула.

– Ты имеешь в виду парк Г. Х. Эрстеда?

– Нет, деревенщина, он называется парк Эрстеда, ни больше ни меньше. И все уроженцы Копенгагена об этом знают. – У Йеппе даже глаза побелели от напряжения.

– Скажи-ка, а ты сам случаем не в Вальбю живешь?

– Это временно.

Анетта скептически фыркнула, размышляя над тем, стоит ли продолжать дискуссию.

В кабинете повисла вербальная тишина на фоне звуков жевания, скрипа стульев и ощущения переизбытка энергии. Стопки документов напоминали ступеньки, кладущие начало подъему на крутую горную вершину. Своим неприступным видом они словно издевались над владельцами кабинета. Каждый лист бумаги потенциально означал небольшую часть жизни полицейского следователя, потраченную впустую.

Громкий телефонный звонок прорезал тишину и заставил вздрогнуть обоих коллег. Звонил стационарный телефон, что случалось нечасто. Йеппе взглянул на Анетту, вздернув брови, откашлялся и снял трубку.

Слизывая с пальцев остатки масла, Анетта наблюдала за тем, как он говорил в трубку «да» и «ладно». Возможно, сейчас какое-то любопытное дело выманит их из этого помещения. Йеппе положил трубку, глядя в пустоту.

– Как странно...

– Что?

– Нам надо подготовиться.

– К чему? Что происходит?

Хлопнув в ладоши, он растерянно покачал головой. Затем серьезно посмотрел на Анетту.

– В течение дня к нам зайдет мастер насчет ремонта отопления. Кому-то из нас надо обязательно находиться в кабинете, чтобы его впустить. – Лицо Йеппе расплылось в широкой улыбке.

Анетта смяла салфетку и запустила ему в лицо.

– Ха, игривое настроение, значит. Очень смешно!

– Мне – да. – Йеппе удовлетворенно улыбнулся.

Анетта медленно доела бутерброды и принялась копаться в ящиках стола в поисках паке-тика с лакрицей, чтобы избавиться от неприятного колбасного послевкусия. Она слышала, как Йеппе спустил ноги со стола, включил компьютер, тяжело вздохнул и принялся что-то печатать.

Дверь приоткрылась – перед ними предстала комиссар полиции собственной персоной. Ее настоящее имя звучало как Ингрид Дам Йенсен, но все звали ее исключительно КП. К другому она не располагала.

– С холодом пока справляетесь? – Вместо ответа Анетта застучала зубами. – Да уж, сегодня свежо. Кернер, заглянешь ко мне?

КП закрыла дверь, не дождавшись ответа.

Йеппе с Анеттой переглянулись.

– Что ей вообще нужно? – пробурчал Йеппе, встав из-за стола и направившись к двери.

– Надеюсь, то, что ей нужно, поможет нам перебраться в более теплое место. – Анетта поднялась и проследовала за Йеппе. – Выйду ненадолго по делам, а потом готова выезжать, если понадобится. – Она нажала на воображаемый гудок и издала звук, похожий на сигнал грузовика.

На мгновение Йеппе подумал сбежать, пока она не вернулась.

Но что может быть веселее, чем подтрунивать над уязвимыми душами!

* * *

– О, проклятие!

Эстер ди Лауренти отодвинула горячую чашку кофе и потрясла кистью руки, словно это движение могло избавить ее от боли. Она осмотрела кончики пальцев, начинающие краснеть, и, обернув кисть спущенным рукавом, вновь взяла чашку и направилась к своему любимому месту в доме – к окну.

Глубокие подоконники, установленные поверх батарей отопления, понравились ей чуть ли не больше всего остального в новой квартире. На них можно было удобно разместиться, укутавшись в уютный теплый плед, и созерцать серые воды озера Пеблинге. Она заказала специальные плоские подушки для подоконников и теперь любила сидеть у окна больше, чем в любом другом месте в новой квартире, включая персиковое кресло с «ушами» и диван «честерфилд».

Потихоньку она привыкала ко всему новому вокруг: к незнакомому району, к скрипу половиц, к странному запаху на «черной» лестнице. И все же часть ее души по-прежнему оставалась в доме № 12 по Клостерстрэде. Отдельный дом в старом центре города, который принадлежал ее семье более семидесяти лет, стал собственностью двух взрослых отпрысков состоятельного владельца кирпичного завода, которые вряд ли обрадовались бы визиту пожилой сентиментальной дамы.

Эстер сидела на подоконнике, выпрямив спину и придерживая чашку с кофе, стоящую на коленке. Она запустила пальцы в волосы, подстриженные а-ля Мэри Куант⁴, и устремила взгляд на облетевшие каштаны и на бегунов, наматывающих круги по периметру озера. Наконец-то все было в порядке. Она очень радовалась обилию света, который наполнял ее новую квартиру, и благодарила высшие силы за то, что денег от продажи дома хватило на покупку этого замечательного вида из окна. Это был источник постоянного ощущения, похожего на счастье. Да она и была счастлива. От того, что могла позволить себе жить в таком месте. От того, что выжила.

Полгода назад ее до полусмерти искалечил человек, который убил девушку, снимавшую у нее комнату, и ее любимого учителя пения, Кристоффера. Чудо, что она вообще осталась в живых. И она была благодарна судьбе за это чудо. Однако произошедшие события разрушили ее привычное существование и сделали невозможным дальнейшее проживание в фамильном доме.

И вот теперь она переселилась сюда вместе с восьмидесятитрехлетним арендатором Греггерсом, который с радостью согласился на ее предложение разделить кров с ней и парой ее мопсов, Доксой и Эпистемой.

Все прошло прекрасно. Даже собаки очень быстро привыкли к новому жилищу. И Эстер надеялась, что в скором времени и ее внутренний компас настроится на новые обстоятельства

⁴ Британский дизайнер и модельер, часто дополняла свой образ простыми короткими стрижками, в частности, стрижкой «боб».

и перестанет по инерции тянуть ее в направлении Старого города всякий раз, когда она возвращается с прогулки.

К счастью, в новых условиях совершенно преобразился Грегерс, несмотря на то, что поначалу наотрез отказывался переселяться за пределы Старого города. Довольно быстро он проникся противоречивой любовью к неравномерно оживленной улице Блогордсгэде и даже к раздражающим факторам, неразрывно связанным с ней. Таким, как зеленщик, который плохо понимал по-датски и не продавал капусту и петрушку, зато всегда готов был предложить плантаны⁵ и телефонные карты. Или хипповатое кафе, где подавали заоблачно дорогой кофе в щербатых чашках и посетители сидели на жутко неудобном мебельном старье, какое можно было отыскать разве что на блошином рынке. А прежде всего к молодым чернявым представителям нового датского общества, которые и не думали уступать дорогу, то и дело выкрикивали «валлах»⁶ и прочую тарабарщину, громко смеялись и подтрунивали друг над другом.

Да-да, Грегерс действительно наслаждался проживанием в Нёрребро. К удивлению обоих, даже то обстоятельство, что теперь они жили в одной квартире, не доставляло никаких неудобств. Две комнаты Грегерса выходили окнами во двор, две комнаты Эстер – на озеро, кухня и ванная комната в центре квартиры были общие. Холодильник пополнялся дважды в неделю, совместные покупки доставляли им прямо к двери. Каждый четверг дотошная чистюля Аня приходила сделать уборку. Очень эффективно и никому не докучая. Грегерс был очень покладистым – ему не нужно было ничего, кроме кофе, который он варил сам себе на небольшой персональной кухоньке. Они общались почти исключительно друг с другом, да и то лишь тогда, когда Эстер время от времени приглашала его разделить с ней завтрак или обед.

Переезд действительно прошел гладко, гораздо лучше, чем можно было предположить. Сломанное ребро Эстер благополучно срослось, и она выполняла предписанные ей упражнения с таким рвением, какого сама от себя не ожидала. Она отвергла перспективу стать инвалидом в шестьдесят восемь лет! На протяжении всей осени она посещала кризисного психолога по имени Алис и наконец ощутила, что если и не оставила чудовищные летние события в прошлом, то по крайней мере поместила их в глубокий ящик, где им надлежало храниться. На самом деле теперь перед ней стояла одна-единственная проблема: на что тратить свое время. Первоначальный план раннего – для академических кругов – ухода на пенсию заключался в том, чтобы писать детективы, однако этот план оказался решительно отклонен.

Одна лишь мысль о возобновлении литературного творчества вызывала у нее дискомфорт и страх. С этим покончено навсегда.

Воплотить былые мечты о длительных путешествиях оказалось затруднительно по причине совместного проживания с Грегерсом; она чувствовала, что не может позволить себе уехать от пожилого, слабого здоровьем человека. Тем более, если уж признаться начистоту, она начала ощущать, что и сама немного сдала. Размышляя о том, не напиться ли ей до беспамятства красным вином, она пришла к выводу, что это было бы чересчур малодушно, учитывая те обстоятельства, которые она недавно пережила. Она и так потратила немалую часть жизни впустую, так что теперь приняла на себя своего рода обязательство – выжать из оставшейся жизни максимум смысла. Вопрос заключался лишь в том – каким образом это осуществить?

Эстер осторожно отхлебнула кофе и пробежала глазами первую страницу «Политикен» – прочитав свежий выпуск газеты, Грегерс каждое утро оставлял его для Эстер. Она просмотрела первую полосу, немного полистала дальше, но читать ей не хотелось. Докса и Эпистема лежали на полу, свернувшись калачиками, и не выказывали ни малейшего желания отправиться на прогулку в холодную утреннюю темноту. Может, лучше послушать музыку?

⁵ Крупные овощные бананы.

⁶ От араб. «wallah» – «клянусь Богом», используется в среде датских мигрантов в качестве усиления смысла высказывания.

Летом, еще до того, как рухнула вся ее жизнь, Эстер под руководством Кристоффера разучивала партию Недды из оперы Леонкавалло «Паяцы». Она не сумела даже приблизиться к самым высоким нотам – си второй октавы, если она правильно помнила, и ей не хватало воздуха для исполнения драматичной арии «Qual fiamma avea nel guardo»⁷, в которой Недда воспекает свою тайную, запретную любовь. Героиню охватывает интенсивно нарастающий страх – сложный, очень сложный для исполнения отрывок. Но попробовать было все же интересно. Воспоминание пронзило сердце, как и остальные воспоминания о беззаботном времени, предшествующем трагедии. Оценила ли она по праву предоставленную ей тогда возможность или ощущение полноты счастья захлестнулось очередными спорами и бытовыми проблемами?

Она откопала «Паяцев» на полке среди других пластинок с итальянскими операми. Старый добрый винил... Она была слишком стара для восприятия прогресса в области воспроизведения музыки, хотя постепенно приняла прочие усовершенствования, привнесенные миром цифровых устройств. Но только не в музыке. Пластинку, как и прежде, следовало осторожно вынуть из футляра и поместить на диск проигрывателя, и вот она уже вращается, подрагивая, а специальная щетка бережно счищает с нее пыль.

Вообще-то надо бы предупредить Грегера о том, что она собирается слушать музыку. Грегера, туговатый на ухо, проявлял удивительную чуткость слуха, в особенности когда дело касалось этой оперы. Отложив пластинку, Эстер направилась через коридор к комнатам Грегера. Обе двери оказались закрыты.

Еще один положительный момент переселения заключался в том, что, лишившись возможности смотреть из окна на Клостерстрэде, Грегера был вынужден выходить на улицу, чтобы быть в курсе внешней жизни. И прогулки пошли ему на пользу. Эстер подошла вплотную к двери в гостиную соседа. В комнате работало радио. Грегера первым делом включал его с утра пораньше одновременно с кофемашиной, и, как правило, оно уже не выключалось целый день, пока Грегера не укладывался спать. Постучавшись, она приоткрыла дверь.

Грегера сидел в кресле, откинув голову с открытым ртом, звуки поп-музыки уютно обволакивали его. Эстер уже собиралась закрыть дверь, как вдруг он встрепенулся.

– Что такое?

– Ничего, Грегера, я только хотела предупредить тебя, что собираюсь послушать пластинку...

– ЧТО?! – гаркнул он.

– Просто чтобы для тебя не было неожиданностью...

– Ох, проклятая шарманка, как я от нее устал! – Грегера с трудом встал и выключил музыку. – По-моему, лучше бы они каждый день пускали в эфир «Мэдс и Монополия». Тогда я бы с радостью вносил абонентскую плату.

– Абонентскую плату вношу я, а не ты.

– Как по мне, так это самая настоящая служба психологической помощи! Вот, к примеру, взять субботний выпуск. Обсуждение одной из дилемм и тебе было бы полезно послушать, дорогая Эстер.

– Хорошо, при случае обязательно расскажешь...

– Им написала одна пожилая женщина. Ее взрослая дочь недовольна тем, что мать пьет вино, когда сидит с внуками. Она была рассержена – а что тут, собственно говоря, такого уж страшного? На протяжении последних двадцати лет она каждый вечер выпивает по полбутылки белого вина, так почему она должна отказываться от этой привычки из-за пуританских взглядов дочери? Тем более дочь сама постоянно запивает еду кока-колой. Неужели это причиняет меньше вреда здоровью?

⁷ «Какое пламя пылало у него во взоре» (ит.).

– Видимо, есть резон в том, чтобы не напиваться до беспамятства, если ты несешь ответственность за маленьких детей? – С этими словами Эстер отстранилась и собиралась уже закрыть дверь.

– И это говоришь ты?!

– Насколько мне известно, у меня нет внуков. По крайней мере, с которыми я должна сидеть.

– Зато у тебя есть собаки и я! А что, если я упаду, а ты в это время пьяная в стельку? – От волнения на шее у Грегера выступили красные пятна.

– Я никогда не напиваюсь настолько, чтобы не суметь набрать «112».

– Ну ладно. Кстати, участники эфира были согласны с тобой: бабуля проявляет безответственность и должна отказаться от алкоголя во время присмотра за внуками. Конечно, им легко рассуждать – сидят себе и умничают в прайм-тайм.

– Я что-то не понимаю: то есть ты считаешь, что эта дамочка должна и дальше глушить свое вино? Или как?

Грегерс взглянул на нее так, словно она прослушала какой-то важный момент.

– Речь идет об обсуждении, дорогая Эстер, о дискуссии. Вовсе не о конечном выводе. О, вот это здорово! – Грегерс прибавил звук на приемнике. – Клифф Ричард...

Грегерс принялся подпевать припев о том, что кто-то там с кем-то больше не беседует. Она тем временем осторожно прикрыла дверь и удалилась на свою половину квартиры. Эстер скользила нежным взглядом по полке с коллекцией пластинок. Пуччини, Верде, Штраус, Вагнер – она питала слабость к высокопарным произведениям. Но разве сама суть оперы заключена не в высокопарности? И в игре чувств, не подвергающейся цензуре. Она установила пластинку с «Паяцами» на круг проигрывателя, опустила иглу и прибавила звук. О, этот хруст, издаваемый иглой, попавшей в бороздку! В груди у Эстер разлилось приятное ощущение, какая-то юношеская неукротимость.

Она пересела на подоконник к своему остывшему кофе. Вдоль озера выгуливали детский сад, дети показались ей похожими на процессию пузатых карликов. Эстер улыбнулась, выпрямилась, облокотившись на подушку, и позволила увлечь себя вихрю скрипок.

Глава 2

– Открыто! – хриплым голосом отозвалась КП на стук Йеппе. – А, Кернер, это ты. Присаживайся!

Йеппе прикрыл за собой дверь, кивнул КП и сел на один из тех стульев из гнутого бука, жесткость которых ощущалась даже сквозь самые плотные штаны.

Осторожно отодвинув в сторону пустую кружку с надписью «Бабушка», КП взялась за стопку бумаг. Проработав комиссаром полиции уже более двадцати лет, в сознании коллег она полностью слилась со своей должностью. В ее кабинете было уютно и чисто, так бывает на рабочем месте, со временем ставшем для сотрудника вторым домом. В углу стояла целая коллекция длинных бамбуковых удочек, устремленных тонкими концами в низкий потолок и свидетельствующих о приближающемся уходе на пенсию хозяйки кабинета.

КП глухо откашлялась, прикрыв рот локтем, и послала Йеппе обреченный взгляд, тем самым сообщая ему, насколько утомила ее проклятая простуда. КП всегда была решительной и отстраненно благосклонной, даже когда, как в данный момент, предпочла бы лежать под одеялом, то и дело прибегая к помощи назального спрея. Йеппе нравился ее стиль руководства, в то время как многие считали такую манеру оскорбительной. В действительности в подобные моменты благорасположения она строго придерживалась официальных отношений. И не стоило обольщаться ее добродушной внешностью, мягкими щеками и проникновенными карими глазами в обрамлении густых ресниц. Несмотря на то, что она была похожа на миленькую безобидную мышку, суть ее была скорее орлиной, чем беличьей.

– Ты выезжал минувшей ночью на место, где было обнаружено тело бездомного? В парк Эрстеда.

КП скорее утверждала, нежели спрашивала.

– Да. Лима 11 позвонил мне около трех часов, и я выехал немедленно. Поговорил с Ньюбо, сделал несколько снимков. Нам там делать нечего.

ПК нырнула носом в бумажную салфетку.

– Да, я в курсе. Патрульные, обнаружившие тело, уже предоставили отчет. После того, как бригада криминалистов закончила работать в парке, тело доставили в морг, где оно и находилось, пока сегодня утром представители судебной медэкспертизы не приступили к вскрытию. В целом, стандартная процедура.

– До тех пор, пока не выяснилось что-то не слишком стандартное, так понимать?

Их взгляды встретились.

– Ньюбо только что звонил. При вскрытии один из специалистов опознал умершего. Как ты знаешь, у него не было при себе удостоверения личности, но речь тут идет не о бездомном.

– Когда состоится вскрытие? – Йеппе посмотрел на часы.

– Оно уже началось. – Заметив намерение Йеппе возразить, КП пресекла его жестом. – Конечно, нас тоже должны были пригласить к столу, однако возникло некоторое замешательство, так как изначально все считали, что речь идет о бездомном, замерзшем насмерть. Трагично, но совершенно не подозрительно.

Она состроила сочувственную гримасу.

– Профессор Ньюбо был вынужден приступить к вскрытию незамедлительно, у него потом целый день дела в суде. Но он обещал встретиться с вами и доложить о результатах сразу после процедуры. Думаю, через полчаса они уже закончат.

Йеппе сокрушенно покачал головой. КП строго посмотрела ему в глаза, выразив тем самым солидарность с его неодобрением и вместе с тем дав понять, что больше не собирается тратить время на эту тему.

– Человеку, находящемуся на службе по восемнадцать часов подряд, можно простить ошибку в принятии решения.

КП повернулась в кресле на сто восемьдесят градусов и резко отодвинула серебристую жалюзийную дверцу архивного шкафа, после чего подцепила на верхней полке тонкую папку болотного цвета и положила ее на стол перед собой. Послунив большой палец, она открыла папку и, вытащив из нее несколько фотографий, протянула их Йеппе.

– Вот. Извини за плохое качество. Я сама распечатала снимки, которые криминалисты прислали с места обнаружения тела, они не очень четкие. Может, те, что ты сам сделал, будут получше?

Йеппе покачал головой.

– Я фотографировал до того, как они перевернули тело. Давай взгляну на эти.

Зернистость изображения ничуть не смягчала дискомфортные ощущения, возникающие при взгляде на искаженное мужское лицо с открытым кровоточащим ртом и закаченными глазами. Лицо было худым, с высокими скулами, бровями вразлет и пухлыми губами. Точнее, тем, что от них осталось. Йеппе поднес к глазам фотографию крупного плана. Сложно было определить возраст умершего, так как кожа на его лице была гладкая, без единой морщины, если не считать сетку тонких линий вокруг глаз. Скулы угловатые, как у подростка. И все-таки это лицо не производило впечатление молодого.

– И кто же это? – недоуменно поинтересовался Йеппе.

КП выжидательно посмотрела на него:

– Скажи, неужели ты не в курсе? Ну ладно, признаюсь, я и сама не догадалась. Хорошо, что люди из команды Ньюбо чаще нас читают женские журналы. – С этими словами КП выудила из папки распечатку из Википедии.

– *Альфа Бартольди, родился 12 марта 1968 года в Фредериксхавне. Сын владельца бойни Йорна Бартольди Андерсена и художницы Марианны Бартольди Андерсен. – КП читала неуверенно, словно продиралась через меню узбекского ресторана. – В 1990 году закончил школу дизайна «Маргретесколен»...⁸ Эксперт по вопросам моды в «Вечернем шоу», член жюри многих конкурсов топ-моделей... Вот у кого следовало бы поинтересоваться, почему все модели обязаны быть тощими... Креативный директор в консалтинговой фирме «Фэшин Форум».*

– КП, прости, а почему я должен его знать? – спросил Йеппе.

– Ну это ведь настоящий король моды! Он принимал участие в телепрограмме, где оформляют дома всяких знаменитостей. Не то чтобы я сама постоянно смотрю такие передачи, но в определенных кругах он большой авторитет. – Брови КП синхронно взлетели на лоб.

– В каких кругах?

– В сфере моды, Кернер, среди молодых и красивых. – Она сочувственно улыбнулась ему. Йеппе опустил взгляд на фотографии.

– Ты хочешь сказать, что этот человек работал в сфере моды? Да он похож на...

– На бродягу, да! Вот вы все так и решили, исходя из его... стайла. – КП произнесла это иностранное слово как-то коряво, обнаружив тем самым, что с английским языком она была на «вы». – Ведь сейчас модно выглядеть неряшливо. Потертости и рвань – хит сезона.

– Тогда, рискну предположить, он замерз насмерть не по чистой случайности? Раз уж между нами сейчас происходит этот разговор. – Йеппе не мог скрыть расстройства. Он вспомнил скрюченную тень на снегу. Уж лучше бы верным оказалось предположение Ньюбо.

– Конечно, сложно сказать на данном этапе вскрытия. Но на случайную смерть не похоже. – КП еще сильнее склонилась к столу, ее плечи коснулись ушных мочек. Лоб пробороздила горизонтальная морщина. – Близкие уже проинформированы: родители, коллеги и лучшая подруга. Мать направляется сюда из Фредериксхавна, чтобы официально подтвердить

⁸ Старейшая в Дании школа моды и дизайна.

верность идентификации. Но мы и так знаем, что это он. А также знаем, что вчера вечером он присутствовал на вечеринке по случаю Недели моды. В Геологическом музее, если говорить точнее.

– Почему вечеринку проводили именно там? Я всегда считал подобные мероприятия вполне гламурными.

– Кто ж знает? Очевидно, минералы сегодня тоже писк моды. Как бы то ни было, поздно вечером он решил покинуть праздник и направился по Эстервольд мимо Нёррепорт в парк Эрстеда, где его тело обнаружили. Он проживает на Вэрнедамсвай. Видимо, он решил пройти через парк по дороге к дому?

Йеппе потер лицо обеими ладонями и глубоко вздохнул.

– Показаний пока нет? От присутствующих на вечеринке? Информация от родственников?

КП дернула уголок рта, ей даже не требовалось трясти головой.

– Насчет состава команды что думаешь?

– Вернер, Сайдани, Фальк. Сколько человек можно взять?

– Фальк на больничном. Стресс. Можешь взять Ларсена. – Она с сомнением взглянула на Йеппе, прекрасно зная, что у того весьма напряженные отношения с молодым и бойким следователем полиции Томасом Ларсеном. – Команда из четырех человек – максимум, на что ты можешь рассчитывать в данный момент.

Йеппе нерешительно кивнул.

– Напиши, с чего предстоит начать расследование, я всех соберу и введу в курс дела.

КП бросила ему блокнот через стол. Пока Йеппе расписывал план работы, она снова раскрыла зеленую папку и вытащила оттуда сероватый картонный прямоугольник с серебряной надписью. Скользнув по прямоугольнику взглядом, она протянула его Йеппе.

– Вот единственное, что нашли у Альфа Бартольди. Приглашение на вечеринку. Криминалисты его уже исследовали, можешь трогать сколько хочешь.

Йеппе посмотрел на карточку:

= *LE STAN* =

приглашает Вас составить нам компанию

на вечеринке в честь предстоящего открытия недели моды Осень/Зима

в 21:00, в среду 27 января

Геологический музей, Эстер Вольдгэде, 5

Просим подтвердить свое присутствие

по электронному адресу: press@lestan.com»

– «Le Stan» – это дом моды, который организовал вечеринку. По свидетельству матери Альфы Бартольди, его лучшая подруга – это ее слова, не мои – работает руководителем пресс-службы в «Le Stan», так что с ней тоже необходимо побеседовать. Сегодня они проводят показ мод в здании мэрии.

Йеппе скептически посмотрел на КП:

– Показ мод сегодня? Разве они вчера еще не напраздновались?

– Очевидно, в крупных домах моды принято устраивать вечеринку и показ мод по отдельности. Ну, насколько я могу судить.

КП выдержала паузу и инстинктивно покосилась на чучело щучьей головы, которое висело над дверью на деревянной дощечке. Затем она протянула папку Йеппе.

– Держи, передаю это дело тебе. Как уже было сказано, отчет готов. Договорись о встрече с командой Ньюбо, он тебя ждет.

Взяв папку, Йеппе нехотя поднялся. Неудачное начало дела отбросило их назад прежде, чем они официально приступили к расследованию.

КП вытащила еще одну салфетку и высморкалась.

– Я предоставлю прессе основные факты и контакты на случай обращения свидетелей. А ты приходи мне вечером подробную сводку по делу, чтобы можно было завтра утром провести пресс-конференцию. Договорились?

– Да, спасибо.

– Тебе спасибо. Прикрой, пожалуйста, за собой дверь, холод зверский... – КП шмыгнула носом. – И кстати!

Йеппе остановился в дверях.

– Если куда-то поедешь, возьми с собой Вернер. Иначе она меня достанет. У дамочки синдром дефицита внимания. Хорошей охоты!

* * *

Яркие взрывы цвета на стенах, которыми Пер Киркеб украсил лестничный пролет в Геологическом музее, сопровождали тяжелый подъем Торбена Хансена на верхний этаж. Вокруг валялось полным-полно бутылок, пластиковых стаканчиков, соломинок для напитков, от луж исходил запах мочи. Вот что им позволялось! Проклятые представители индустрии моды, якобы интересующиеся искусством и архитектурой! А на самом деле им бы только наклюкаться до потери разума, и плевать они хотели на культурное наследие. В прямом смысле.

Обычно рабочий день в январе строился вокруг рутинных занятий: чистка снега, небольшая уборка, мелкий ремонт. Однако в эти дни надо было прибраться после вечеринки и привести в порядок обсерваторию, подготовить ее для наблюдения за лунным затмением, которое ожидалось во вторник вечером. Вообще-то обсерватория была закрыта для публики и не функционировала уже более шестидесяти лет, но руководство музея в предвкушении предстоящих событий приступило к продаже билетов на Ночь культуры и всякие астрономические явления. Людям нравилось сюда приходить. Когда обсерваторию открывали, перед входом всегда выстраивалась длинная очередь.

У нового куратора состояния зданий и сооружений музея появилось множество идей насчет того, как сделать Ботанический сад более привлекательным и рентабельным. От этих планов исследователи из научных институтов, в том числе из Института Нильса Бора, чуть не рвали на себе волосы и ужасно нервничали. Однако все понимали, откуда ветер дует: ведь надо зарабатывать деньги. Юбки задираются для всех, кто платит.

Изрыгая проклятия, он выпрямился и, оторвав взгляд от этого свинарника, выглянул в окно. Вид на крыши города стал в свое время решающим для него. После долгих лет в провинции именно этот вид заставил его в прошлом году сменить работу, ради этого вида он просыпался каждое утро.

С холма, на котором располагалась обсерватория, высшей городской точки, Копенгаген выглядел прекраснее всего. В любую погоду золотые шары на башне Кристиансборга затмевали своим сиянием крест на церкви Богоматери, а с другой стороны наблюдателя приветствовала сказочная башня замка Росенборг. Даже зимой, когда городские башни невозможно было разглядеть в утреннем мраке, они неизменно присутствовали на карте города, существующей в его памяти.

Торбен взял в руки два мешка с пустыми бутылками и, следя за тем, чтобы остатки вина не капали на ступеньки, потащил их в подвал в комнату с мусором. Свет включился в «пистолетном коридоре» автоматически, и Торбен, как всегда, когда оказывался здесь, с упоением подумал об участниках Сопротивления, которые во время войны учились здесь стрелять.

Эти мужественные люди имели перед собой цель и действовали решительно – вот настоящая жизнь!

Мусорные контейнеры снова завоняли, нужно будет связаться с коммунальными службами и попросить поставить замки на помещение для отходов. Торбен перевел дух, опустив мешки с бутылками на пол, а затем один за другим швырнул их в контейнер для стекла. Бутылки зазвенели, заглушив хруст в коленках, – прозвучало некое подобие древней заезженной мелодии. Он отыскал в подсобном шкафу ведро со шваброй. Выдавил немного коричневого мыла и налил до краев теплой воды, после чего, покачиваясь, поднялся по каменной лестнице на этаж с липким полом. Все провоняло выпивкой и деградацией.

Когда-то он и сам выпивал, но это было совсем не весело. Теперь зловоние вчерашнего праздника вызывало у него лишь отвращение. Словно в липком налете, покрывавшем пол, застряли небрежно брошенные слова и гадкие поступки.

Он поставил ведро, обмакнул швабру в мыльную воду и принялся мыть пол.

* * *

Войдя в кабинет с двумя кружками кофе, Йеппе обнаружил, что Анетта снова полезла под стол, чтобы постучать по радиатору.

– Анетта, брось, это же центральное отопление. Сколько ни бей по батарее, тепла все равно не добьешься.

Анетта перестала стучать и высунула голову.

– Что хотела КП? Вы говорили про того бездомного?

– Который оказался вовсе не бездомным, а известным представителем мира моды.

– И который на самом деле умер не от мороза?

Она поднялась на ноги и взяла кружку с черным сладким кофе.

– Возможно. В данный момент Ньюбо проводит вскрытие, мы едем к нему. – Затем он поспешил предупредить коллегу: – И не смей жаловаться на плохую организацию рабочего процесса – прими как данность. По крайней мере мы выйдем из кабинета. – Йеппе проигнорировал разинутый рот напарницы и поспешил сесть за стол. – Что ж, приступим. Присаживайся, Анетта Вернер, а не то придется ткнуть тебя в коленки, прямо в место старой хоккейной травмы.

Шутка заставила ее рассмеяться. Она села напротив, прилежно сложив руки на столе.

– Хорошо, с чего начнем?

Йеппе улыбнулся.

– КП созывает рабочую команду. Участвуем мы с тобой, Сайдани и Ларсен.

– Негусто.

– Это только начало.

– Что нам о нем известно? – Анетта надела очки для чтения и вытащила из сумки айпад.

– На данный момент лишь то, что выудила КП у его матери и из Википедии. Погибшего зовут Альфа Бартольди, коренной датчанин сорока восемью лет, проживает на Вэрнедамсвай в Старом городе. Работает стилистом и экспертом по вопросам моды, владелец консалтинговой компании «Фэшн Форум», в которой имеются ассистент и неоплачиваемый стажер.

– Слышала про Бартольди. Что известно о смерти?

– Вчера он был на вечеринке в Геологическом музее. Она началась в 21:00. В 1:54 патруль отдела Сити обнаружил тело в парке Эрстеда. О том, что произошло в этом временном интервале, ничего не известно. На данный момент нет ни одного свидетеля происходящих с ним событий после того, как он покинул вечеринку. – Йеппе отпил кофе – по мере остывания напитка все отчетливее ощущался привкус сухого молока. Он отодвинул кружку. – Нам предстоит выяснить, что произошло за эти пять часов, и опросить как можно больше людей,

присутствовавших на вечеринке. Во сколько он ушел? Находился ли он под действием каких-либо веществ в момент ухода? Видел ли его кто-нибудь между местом проведения вечеринки и местом обнаружения тела? И так далее.

– Кто его ближайшие родственники? Он женат? – Анетта бесшумно заносила информацию в айпад.

– Одинок, проживает один. Насколько матери известно, возлюбленной у него не имеется.

– Домашнего животного тоже нет? – Она подняла взгляд.

– Нет. Родители живут в Северной Ютландии, братьев и сестер нет. Зато есть пропасть коллег и знакомых, которых нам предстоит допросить. Ну и гости с вечеринки, естественно.

Анетта сняла очки.

– Вообще, рановато, наверное, пока размышлять о взаимоотношениях преступника и жертвы? Что за мотив? – Она задрожала. – Как здесь холодно, черт возьми!

– До тех пор, пока нам не известны результаты вскрытия, бесполезно размышлять таким побытом.

– Каким копытом?

– Таким побытом. Подобным образом то есть.

– Почему бы так сразу и не сказать? Нет уж, с меня хватит!

Она нервно отпихнула стул назад, забралась под стол и вновь принялась стучать по радиатору.

Йеппе вздохнул про себя. Самым никчемным из всех никчемных дел было объяснять своей напарнице значение бессмысленного действия.

– Кто за что возьмется? – донеслось из-под стола.

– Сайдани проверит социальную среду Альфы Бартольди и все, что связано с вечеринкой. Раздобудет список гостей и свяжется с потенциальными свидетелями. Ларсен займется исследованием его личной жизни и материального положения, допросит родителей, хозяина, у которого он снимает жилье, соседей, осмотрит квартиру и так далее. КП сейчас нагрузит их работой.

– А мы что должны делать? – Выкрикнув свой вопрос, она застучала дальше, так громко, что едва ли смогла бы услышать его ответ. Иногда вести диалог с Анеттой Вернер было все равно что пукать в сырной лавке. Только зря напрягаться.

Йеппе подождал, пока стук прекратится и глаза Анетты покажутся из-под столешницы.

– Мы начнем с того, что поговорим с Ньюбо. Узнаем предварительные результаты вскрытия. Затем побеседуем с якобы лучшей подругой Альфы Бартольди – Марией Рингсмосе, которая по совместительству является еще и руководителем пресс-службы «Le Stan».

– «Le Stan», который организовывал вчерашнюю вечеринку?

– Да. В данный момент они занимаются подготовкой показа мод. Если я правильно понял КП, показ пройдет в мэрии – может такое быть?

– Мэрия является официальной площадкой для показа мод во время Недели моды, – без колебаний подтвердила Анетта.

– Откуда ты знаешь?

– Это же общеизвестно.

Анетта Вернер, женщина, полная сюрпризов.

Йеппе нажал на кнопку на наручных часах для дайвинга – дисплей тут же осветил полумрак кабинета.

– После этого начнем опрашивать свидетелей из числа присутствовавших на вечеринке – надеюсь, Сайдани предоставит нам их имена. Но для начала – судмедэкспертиза и мэрия.

– По рукам. – Улыбнувшись, Анетта поднялась с пола. – Мне как раз не помешает немного вдохновиться перед тем, как освежить весенний гардероб.

* * *

– Вам французский соус?

Круглолицый продавец поднял пластиковую бутылку в ожидании ответа. Миккель Хустед оторвал взгляд от электронной версии утренней газеты, которую он листал на своем смартфоне, и рассеянно кивнул, от чего мозг загрохотал внутри черепной коробки, а к горлу вновь подступила тошнота.

Было поздно. Накануне парни зашли в мастерскую после работы, и Миккелю удалось выставить их только в четыре утра после огромного количества выпитого пива и выкуренных джойнтов, гораздо большего, чем сейчас могло воспринять его сознание. Вчера это казалось замечательной идеей. Но только не теперь. Он проспал до одиннадцати, так и не успев побывать в душе, да еще должен был отремонтировать машину, прежде чем вечером возить по городу богатых и шибко умных.

Теперь же больше всего на свете ему хотелось улечься и заснуть. Или умереть.

– Пожалуйста! Приятного аппетита!

Он взял французский хот-дог, утомленный продавец не обратил никакого внимания на его кроткую улыбку. Миккель поплелся к столику у грязного окна, откуда открывался вид на заправку с бензонасосами. Он откусил кусок колбасы и принялся медленно пережевывать его, организм словно еще не был уверен, стоит ли в данный момент принимать фастфуд. Получалось что-то вроде бранча, нечто среднее между завтраком и обедом. Миккель рассмеялся сам с собой, от чего ему немного полегчало.

Две девочки из очереди в кассу обернулись и захихикали. Им было не больше семи-восьми лет – длинные конечности, дырки во рту от выпавших зубов. Такие малолетки вряд ли могут оказаться одни на заправке в северо-западной части города. Миккель осторожно огляделся – наверняка где-то поблизости пьет кофе отец девочек, – но никого похожего на папашу не обнаружил. Они по-прежнему воровато оглядывались на него и забавлялись. Миккель ощутил знакомое подергивание в области диафрагмы, предвещавшее что-то приятное. Он скосил глаза к переносице и показал девчонкам язык. Те радостно захохотали. Миккель широко улыбнулся – теперь он полностью завладел их вниманием.

Резким движением указательного пальца он закатал нижнюю губу вверх, отчего стал похож на оскалившегося деревенского дурачка. Девочки разразились звонким смехом, наполнив магазин жизнью и светом.

– Чем вы тут занимаетесь? Мы с отцом ждем вас в машине. Вы еще даже ничего не купили? – Невзрачная женщина в камуфляжном пуховике и уггах внезапно очутилась на пороге магазина. Миккель обратил внимание на подозрение в ее взгляде и снова уткнулся в телефон.

– Пойдемте! Мы уезжаем! Немедленно!

Мать затолкала девочек в машину под громкие протесты с их стороны. Преодолев соблазн оглянуться на малолеток, Миккель апатично отпил газировку из стакана. Он опять открыл онлайн-газету и принялся просматривать ее, не отрываясь от еды. Одна статья поразила его, он словно резко рухнул в воздушную яму, как самолет.

«Известный представитель индустрии моды Альфа Бартольди посетил пресловутую вечеринку, которую устроил «Le Stan» в Геологическом музее, впоследствии его тело было обнаружено в сугробе в парке Эрстеда. Старший следователь пока не раскрывает причину смерти. Полиция призывает к сотрудничеству свидетелей и тех, кто находился в районе Геологического музея в среду 27 января примерно с девяти часов вечера до двух часов ночи. Связь осуществляется напрямую со старшим следователем полиции по телефону 33141448».

Миккель ощутил, как хлеб с колбасой разбухает у него во рту и превращается в комок стекловаты, который стремительно вбирает в себя всю жидкость. Тошнота вновь несвоевременно подкатила к горлу гигантской волной цунами. Он выплюнул еду в мусорное ведро и как следует прокашлялся, не обращая внимания на взгляды окружающих.

Он предпочел никак не комментировать свое состояние.

Глава 3

– Да входи уже наконец!

Йеппе на мгновение замедлился на пороге кабинета профессора Ньюбо в Институте судебной медицины. Ньюбо пробарабанил пальцами по столу, тем самым сигнализируя, что он не может посвятить общению целый день. Его всегдашняя резкая манера поведения указывала на то, что у него постоянно имелось гораздо больше дел, нежели у людей, в обществе которых он находился.

Анетта уже вошла в чисто прибранный кабинет с видом на Фэлледпаркен. Вдоль стен залакированные металлические стеллажи ломились под тяжестью многочисленных журналов и профессиональной литературы, на подоконнике боролся за жизнь миниатюрный суккулент. Усевшись, Ньюбо жестом пригласил гостей занять места с противоположной стороны письменного стола из деревянного массива. Йеппе отметил, что гостевые стулья были ниже, чем офисное кресло хозяина кабинета. И он сомневался, что это случайность.

– Итак, Ньюбо, значит, он все-таки не бездомный нищий, а?

Приподняв бровь, Ньюбо взглянул на Йеппе и снова указал посетителям на стулья. Они сели. Что ж, вопрос был исчерпан.

Йеппе смущенно кашлянул.

– Понятно. От чего он умер? Наш модник?

Ньюбо пренебрежительно покашлял.

– Вообще-то, было бы гораздо проще, если бы вы присутствовали при вскрытии. Я очень занят, если вы еще не поняли. Через полчаса мне надо быть в суде. У вас есть десять минут.

Йеппе еле сдержался, чтобы не съязвить. Все равно делу этим не поможешь, да и Ньюбо уже не переделаешь.

– Можешь не вдаваться в подробности.

– В деталях кроется бог. – Ньюбо вытащил из папки какой-то документ. – Жертва – относительно здоровый мужчина сорока восьми лет. Все конечности на месте, видимые переломы и раны на теле отсутствуют. Присутствует полный набор зубов, которые восстановлены с помощью дорогих фарфоровых коронок. Рубец на границе волосистой части головы, образовавшийся в результате как минимум одной операции по подтяжке лица, следы ботокса и рестилайна в кожных слоях лба, щек, губ и вокруг глаз.

– Девяносто процентов пластики, иными словами? – Анетту этот факт почему-то разве-селил.

Ньюбо продолжал зачитывать, не поднимая глаз от листа:

– Мы проверили жертву на наличие заболеваний, передающихся половым путем. Результаты будут получены после исследования образцов крови. Кое-какие признаки указывают на наличие у жертвы гепатита С и связанного с ним воспаления печени. Обычно это заболевание передается половым путем, в ходе переливания крови или посредством инъекции общей иглой. Обширные участки рубцовой ткани на печени указывают на то, что он жил с болезнью в течение нескольких лет.

– Наркоман?

– Очевидных признаков не выявлено. Даже если и так, это имеет второстепенное значение. – Ньюбо выдвинул ящик стола и достал батончик мюсли, который немедленно открыл и принялся есть, немало не смущаясь процессом беседы. – Результаты анализов крови еще не готовы, но мы, естественно, проверяем кровь на содержание всех мыслимых наркотиков, алкоголя и так далее. Кофе будете?

Нюбо смерил их таким взглядом, что утвердительный ответ с их стороны оказался бы абсолютно неуместным. А потому Йеппе и Анетта вежливо отказались. Нюбо удовлетворенно кивнул.

– Ну да, сначала мы решили, что перед нами труп бродяги. Его одежда выглядела совершенно кошмарно – потертая и грязная, да к тому же и со следами жизнедеятельности.

– Что это значит?

– На одежде обнаружены следы мочи и эмеzis. Гематемезис. В общем, эмеzis довольно любопытный.

– Нюбо. Давай по-датски, прошу тебя! – Прибегнув к легкой улыбке, Йеппе попытался разрядить обстановку.

Но Нюбо ничего не заметил.

– Рвота! Его обильно вырвало на одежду, и рвота темная от крови. Это необычно.

– Кровавая рвота – о чем это может говорить?

Анетта принялась искусно имитировать рвотные позывы. Поистине поведение, достойное зрелой женщины, ничего не скажешь.

– Возможно, ретроградная перистальтика, то есть антиперистальтика, когда содержимое верхних отделов тонкого кишечника поднимается в желудок и далее в пищевод. Плюс – внутренние кровотечения. – Нюбо закинул в рот последний кусочек мюсли и, с сожалением взглянув на обертку, выбросил ее в мусорное ведро.

– Обнаружены серьезные внутренние повреждения ротовой полости и пищевода и, как следствие, сильное желудочно-кишечное кровотечение. Необходимо дождаться рапорта токсиколога, прежде чем делать вывод о причинах таких повреждений, но мужчина явно проглотил какую-то агрессивно-разъедающую субстанцию.

– То есть съел или выпил что-то ядовитое?

Нюбо поднял глаза.

– Да, можно и так сказать. Только не яд, медленно поражающий нервную систему или оказывающий парализующее воздействие каким-то иным способом. Он принял вещество настолько ядовитое, что умер почти сразу.

– О каком временном промежутке идет речь? – Йеппе сделал пометку в записной книжке: «быстродействующий яд».

– Максимум час между приемом вещества и смертью.

– Выходит, он съел или выпил это неизвестное вещество на вечеринке?

– Почти наверняка. На трупе в районе бедер обнаружены обмороженные участки, так что холод тоже сыграл свою роль. Он умер от сочетания факторов: разъедающее действие яда и обморожение тканей. По поводу яда мы получим разъяснения в токсикологическом заключении.

Нюбо поднялся и проследовал в угол кабинета к старообразной кофе-машине. Налил себе в чашку кофе из колбы и, больше не предлагая гостям, вернулся за стол.

– Как можно на вечеринке проглотить что-то ядовитое? – Аромат чуть перегретого кофе встряхнул Йеппе.

Отпив небольшой глоток, Нюбо задумчиво посмотрел в окно.

– Ваша задача как раз и состоит в том, чтобы это выяснить. Но равномерный характер поражений указывает на проглатывание отравы в виде жидкости.

– Ему подсыпали что-то в напиток? Некачественный ананасовый сок в пина-коладе? – Анетта с надеждой уставилась на Нюбо.

Нюбо покачал головой.

– Ананасовый сок тут ни при чем. Мы взяли пробу рвотных масс и провели анализ на уровень pH. Значение превысило десять единиц, несмотря на высокое содержание желудочной

кислоты. Это указывает на основную природу вещества. Вы должны понимать, что кислота и основание действуют на организм совершенно по-разному.

– И что это может быть?

Для загруженного делами человека Ньюбо был чересчур педантичен.

– Со всеми возможными оговорками я думаю, что пострадавший выпил некое сильнощелочное соединение, например, гидроксид калия. Это основание с чрезвычайно сильным прижигающим эффектом.

– Где оно встречается?

– Мы ответим на этот вопрос только после того, как вещество будет стопроцентно идентифицировано.

Ньюбо снова вскочил и похлопал себя по карманам – ему не терпелось поскорее распрощаться с посетителями.

– Ну, вот десять минут и истекли. Даже чуть больше.

Йеппе неспешно поднялся со стула.

– А может ли человек добровольно принять настолько агрессивное вещество?

– М-м-м... я бы счел это маловероятным, даже если пострадавший находился в состоянии алкогольного опьянения или под действием наркотиков. Само собой разумеется, ничего определенного сказать нельзя до тех пор, пока мы не знаем, о какой именно субстанции идет речь. Но жертве явно надо было выпить довольно большое количество этой жидкости, чтобы умереть. Не меньше стакана.

– Самоубийство? – Анетта тоже встала.

Ньюбо скептически пожал плечами.

– Интерпретировать результаты – ваше дело, и все-таки я настоятельно советую воспринимать эту смерть как убийство.

– Когда ты рассчитываешь получить заключение токсиколога?

Ньюбо демонстративно вздохнул.

– Обычно это занимает несколько дней, но в данном случае я попросил заняться анализом как можно быстрее. Возможно, к выходным.

– О'кей, спасибо, что уделил нам время.

Йеппе протянул ему на прощание руку, которую Ньюбо, направляясь к двери, предпочел не заметить.

Когда они вышли из корпуса Тайлума⁹, часы показывали полдень, но из-за пасмурной погоды казалось, что уже сгущаются сумерки. Голые кроны деревьев в Фэлледпаркен проступали на фоне зимнего неба. Йеппе и Анетта осторожно продвигались по ледяному тротуару вдоль улицы Фредерика V в направлении парковки.

Ох уж этот январь! Он жестоко лишает датчан света и тепла и всегда тянется дольше, чем хотелось бы. С каждым годом Йеппе укреплялся в мысли, что январь гораздо надоедливее ноября из стихотворения Нордбрандта¹⁰. В ноябре по крайней мере можно предвкушать декабрьские излишества. А январь – не что иное, как пора лишений и пустой растраты жизненных сил.

Йеппе потряс рукой, чтобы часы заняли нужное место на запястье. Блестящие, массивные Suunto DX. Ремешок не должен плотно охватывать запястье, так объяснили Йеппе в специализированном магазине в Эксмуте, когда он, поддавшись внезапному импульсу, выложил половину своей месячной зарплаты за часы, которые способны показывать время на глубине

⁹ Гуннар Тайлум – датский врач, в честь которого был назван корпус патологической анатомии и судебной медицины Королевской больницы.

¹⁰ Хенрик Нордбрандт – современный датский поэт и писатель. В одном из его стихотворений лирический герой говорит о том, что в году 16 месяцев: ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, ноябрь, ноябрь, ноябрь...

1200 метров под водой. Старые часы «Омега», которые Йеппе унаследовал от отца, но так и не привык носить, лежали дома в ящике. Они были не очень точные, постоянно отставали, теряя примерно одну минуту в сутки. Скромные часы для скромного человека. Они еще долго продолжали тикать в ящике после того, как Йеппе перестал их носить.

– Как ты думаешь, что с ним все-таки произошло? – Анетта явно запыхалась, несмотря на то, что они продвигались со скоростью улитки. – Как можно было сжечь себе пищевод на вечеринке дома мод?

– Как и не менее важно – зачем.

Йеппе почувствовал, как тротуар ускользает у него из-под ног, а в следующую секунду сильная рука Анетты поддержала его за локоть. Он благодарно кивнул коллеге. Проклятая стужа мешала телу сохранить не только тепло, но и человеческое достоинство.

– Лучше идем-ка, дедуля, на проезжую часть. Там хоть почищено.

Анетта со смехом потащила его за собой на дорогу.

– Может быть, там с наркотиками было что-то не то? Как там называется популярное сейчас жидкое экстази? «Кома в бутылке»...¹¹

– В этой среде? Забудь! Видимо, кто-то все-таки подмешал отраву ему в пойло.

Йеппе то и дело подавлял в себе порыв вновь вцепиться в напарницу и передвигался, как страдающий от болезни Паркинсона старичок, не справляющийся с ходунками на колесах. Правда, без всяких ходунков.

Анетта добралась до машины первой и открыла дверь под громкое пиканье сигнализации.

– Кстати, насчет пищевода – может, пообедаем?

Ухватившись за ручку на дверце автомобиля, Йеппе выдохнул с облегчением.

– Я могу и потерпеть. Наверное, нам надо сначала поспешить в мэрию, чтобы побеседовать кое с кем из представителей мира моды?

Демонстративно посмотрев на часы, Анетта недовольно буркнула:

– Уж и подумать нельзя о том, чем бы я сейчас предпочла заняться.

* * *

Официант в жилете и с галстуком-бабочкой прошел мимо нее с полным подносом напитков, стараясь потупить взгляд, полный любопытства. Она привыкла к подобной реакции. Зато для персонала отеля «Нимб» ее посещение стало целым событием. Все-таки не каждый день самая что ни на есть настоящая ясновидящая осеняет овальный бар этого роскошного отеля чудотворным ладаном и священным пеплом.

Лулу Суй сдула с ладони щепотку порошка в направлении восточной части помещения, по крайней мере, она предполагала, что именно там находится восток, и пропела хвалу Дамбале, космическому небесному прародителю. Ее руки подрагивали, и это было неудивительно. Ей предстояло собраться с силами и провести обряд до конца. Бар необходимо было подготовить к завтрашнему показу мод дизайнера Рольфа Токлума, очистить энергию. Если она откажется, поползут всякие слухи, которые люди с готовностью подхватят. А в слухах она совершенно не была заинтересована.

Официант снова прошел мимо, на этот раз и вовсе не скрывая любопытства. Она попыталась улыбнуться – губы пересохли, щеки окаменели. Он ответил ей флиртующей улыбкой и понес дальше свой поднос. Гибкое тело, облаченное в строгий костюм, туфли на шпильке – ее образ абсолютно не ассоциировался с ясновидением. Именно внешний вид принес ей популяр-

¹¹ Жидкое экстази, то есть гаммагидроксibuтират, нередко входит в состав моюще-чистящих средств, в том числе в автомобильной промышленности.

ность в индустрии моды и развлечений. Если бы она была дородной дамой в цветастых тряпках из полиэстера, едва ли выстраивалась бы такая длинная очередь, чтобы заполучить благословение на проведение всевозможных мероприятий. По крайней мере, из среды владельцев звукозаписывающих студий, дизайнеров и нуворишей.

В помещении запахло едой – мясом на гриле, насколько она могла судить. Компании, рассеявшейся на креслах с длинными спинками вокруг низкого столика, подавали обед – бургеры с говядиной и коктейли. Оттуда доносились смех и фразы на шведском языке. Это явно были представители мира моды, видимо, из какого-то агентства. Копенгагенская Неделя моды являлась лучшим поводом захватить с собой в командировку любовницу и праздновать напропалую.

Сделав глубокий вдох, Лулу Суй постаралась преодолеть пробежавшее по телу волнение. Обычно она первой бросалась в гущу празднования, особенно в темное время суток. Однако после того, что случилось накануне, о вечеринке следовало забыть. Ближайшие несколько дней ей предстояло провести так, чтобы не возбудить подозрений, и позаботиться о том, чтобы снова во что-нибудь не вляпаться. Ей было необходимо сконцентрировать всю свою энергию, сосредоточиться на том, чтобы не допустить ошибки.

К тому же дома ее ждал он. Что с ним делать дальше?

Она скинула обувь посреди просторной комнаты и очертила окружность правой рукой, развернутой ладонью вовне – она вела руку против часовой стрелки от лба к сердцу и далее. Глаза ее были полуприкрыты, разум освободился. Связь осуществлялась всегда одним и тем же образом. Поток энергии проникал в ее тело через ступни и устремлялся к грудной клетке. Она управляла им исключительно концентрацией собственной воли. Она обменивалась энергией с универсумом. Для нее это было так же естественно, как плыть, едва оказавшись в воде, и отнимало примерно столько же усилий. Лишь немногие из клиентов интересовались ее методами. Большинству достаточно было знать, что она обладает сверхъестественными способностями. Умеет устанавливать контакт с субстанцией гораздо более великой, чем мы сами. Чем более загадочным и непостижимым выглядел этот процесс, тем лучше.

В настоящий момент энергетический поток оказался особенно мощным по причине приближающегося лунного затмения. Представители народности батамариба, что проживает в Бенине, в свое время считали, что кровавая луна поднимается в небо в периоды конфликтов с солнцем и предвещает беспорядки и грядущие перемены на Земле. Сведение счетов с прошлым и новое распределение власти. Лулу Суй ощущала это очень остро – гораздо сильнее проявлял себя лунный магнетизм, влияющий на приливы и отливы и на женский цикл.

Она чувствовала, что по мере приближения затмения словно сгущается штормовой фронт. Грядет битва света с тьмой, добра со злом.

Только она не знала, какая сторона одержит победу.

* * *

Огромный грузовик был припаркован посреди площади перед копенгагенской ратушей. Рядом с грузовиком стояла молодая светловолосая девушка и угрюмо смотрела на стаи туристов и голубей, суесящихся под буквами «НЕДЕЛЯ МОДЫ В КОПЕНГАГЕНЕ». Пожилая женщина в мехах канареечного цвета и больших солнечных очках вещала что-то в камеру, укрепленную на штативе. Рядом две девушки в мини-юбках, несмотря на трескучий мороз, фотографировали друг друга на айфоны, рассматривали получившиеся кадры и продолжали фотосессию – руки на поясе, губы «уточкой». Видимо, у них в телефонах имелся специальный фильтр, который исправляет цвет посиневших от холода коленок, прежде чем снимки попадут в ленту блога.

По залу ратуши суетливо сновала группа техников сцены в носках, они трудились над сооружением блестящего серого подиума, трамплином возвышающегося над пучиной зрительских кресел. Молодые женщины, с ног до головы облаченные в черное, с серьезным видом раскладывали на места таблички. Йеппе обратился к одной из них, спросив, где он может найти Марию Рингсмосе. За кулисами! Ответ на певучем американском английском последовал незамедлительно, при этом женщина даже не удосужилась оторвать взгляд от плана зала, который держала перед собой.

На небольшом пространстве за сценическим задником кишела толпа народу. Девушек красили, усадив перед ярко освещенными зеркалами; вдоль вешалок с одеждой всех возможных цветов выстроились модели, находившиеся на разных стадиях одевания. Худощавая темноволосая девушка, на которой из одежды значились лишь трусики, туфли на высоком каблуке и головной убор с перьями, обернулась ровно в тот момент, когда Йеппе проходил мимо, и продемонстрировала ему совсем маленькую девическую грудь. Никакой эротики в этом не было, ситуацию скорее можно было бы назвать неловкой, и то, видимо, только в восприятии Йеппе. Ибо все остальные присутствующие здесь люди воспринимали наготу как совершенно естественное состояние.

С противоположного конца помещения раздался свист – конечно же, это была Анетта, кому бы еще пришло в голову тут свистеть? Кто еще *смог* бы тут свистнуть? Йеппе направился к ней мимо вешалок, потупив взгляд.

Анетта разыскала молодую даму с айфонной гарнитурой хэндсфри, торчавшей в ухе, в широкой черной толстовке с надписью «Le Stan is for Lovers». И снова черный цвет. Для кого вообще предназначаются эти красочные тряпки, висящие на штативах, если даже люди, работающие в индустрии моды, ходят исключительно в черном?

Женщина посмотрела на Йеппе с выражением напряженного недовольства и, повернувшись к нему боком, продолжила говорить по телефону. С черными кругами под глазами она выглядела так, словно только что плакала или не спала всю ночь. Возможно, справедливы были оба предположения.

– Это Мария Рингсмосе, пресс-атташе компании. Она сейчас очень занята. – Анетта демонстративно показала пальцем на женщину, которая резко отдала в трубку последнее приказание на английском языке и разорвала соединение.

– Я прекрасно знаю, зачем вы приехали, и я готова поговорить об Альфе. Само собой разумеется. – Она говорила, понизив голос и блуждая взглядом по моделям вокруг. – Но именно сейчас не самый подходящий момент – через полтора часа начинается показ, ожидается около четырехсот гостей.

– А не уместнее было бы отменить мероприятие, учитывая все обстоятельства? – Вопрос Анетты прозвучал очень злобно.

– Вы представляете себе, сколько стоит организовать здесь подобное шоу? – Мария Рингсмосе повысила голос. – Модели, ВИП-персоны, представители международной прессы слетаются со всех концов мира, заселяются в отели, плюс – затраты на сценографию, команду визажистов, кейтеринг. И все эти деньги уже заплачены. Мы не такая уж большая компания и вылетим в трубу с такими затратами, если теперь лишимся продаж. В этом все дело. – На щеках у нее выступили красные пятна, глаза заблестели. Стянув резинку с обесцвеченных волос, резким движением она собрала их в небрежный пучок. Рядом возникла молодая официантка в черной униформе и с блуждающим взглядом, она держала поднос, уставленный бокалами с шампанским. На мгновение она приостановилась и протянула им дрожащий поднос.

– Сигрид, благодарю. Прекрасно, что вы приступили к разносу напитков. Убедитесь только, что хватит на всех. – С этими словами Мария Рингсмосе взяла бокал, кивнув на поднос и Анетте с Йеппе. Но они отказались.

Мария Рингсмосе пригубила шампанское, неуместным жестом пригладила волосы за ухом и сделала еще один глоток.

– Ваше здоровье! – Анетта саркастично улыбнулась.

– Послушайте, я раздавлена тем, что произошло с Альфой. Я с трудом могу концентрироваться на работе. Мы были друзьями в течение десяти лет. Минимум. Я в шоке. Мы все в шоке. – Ее голос охрип.

– Расскажите нам о нем немного. Что это был за человек?

– Прямо сейчас? – Она недоверчиво взглянула на Йеппе и, поняв, что он настроен решительно, демонстративно выдохнула. – Альфа забавный... то есть был забавный. Совершенно безумный человек, большой оригинал с абсолютно неистощимой энергией. Невозможно было предсказать, куда его занесет. И еще он был невероятно щедрым по отношению к нескольким самым близким ему людям.

– И кто же входил в их число? – Йеппе вытащил из кармана блокнот.

– В первую очередь его мама. Я.

– И все? Как насчет возлюбленных?

Она грустно улыбнулась.

– Их было множество! В основном совсем молодые мальчики, но редко эти отношения длились долго. В действительности Альфа был очень замкнутым, одиночка своего рода.

У нее зазвонил телефон. Часто моргая, она взглянула на дисплей.

– Заметили ли вы что-либо необычное на вечеринке? – Йеппе торопился задать вопрос, пока она не ответила на звонок.

– Ничего такого, что отличало бы ее от других наших вечеринок. – Она смущенно улыбнулась.

– Как долго вы общались с Альфой в течение вчерашнего вечера?

– Мы лишь обнялись, когда он пришел, а потом поговорили не больше пары минут. Сфотографировались для соцмедиа. Это было... да, конечно, это было довольно рано. Примерно в десятом часу.

– То есть вы не знаете, когда он покинул вечеринку?

– Нет. Я почти уверена, что позже видела его в баре, но ближе к одиннадцати или к двенадцати часам это было, сказать не могу.

– И как он вам показался?

– Абсолютно такой же, как всегда. – Она ухмыльнулась. – Довольный и воодушевленный, словно под кокой.

Она поводила пальцем по экрану телефона и развернула его к Йеппе с Анеттой. Словно ледяная рука нанесла Йеппе удар аккуратно в солнечное сплетение. На снимке нарядно одетая Мария Рингсмосе улыбаясь стояла между двумя мужчинами. Первый был – Альфа Бартольди. Второй – Йоханнес Ледмарк.

– А что делал на вашей вечеринке Йоханнес Ледмарк? – Голос Анетты прозвучал откуда-то издалека.

– Они приехали вместе с Альфой. Они часто появляются вместе.

Йеппе игнорировал взгляд Анетты. У Йоханнеса было огромное количество разных знакомых.

– Что происходило после того, как был сделан этот снимок? Потом вы еще видели Альфу? – Во рту у Йеппе пересохло, язык словно увеличился вдвое.

– Хм, нет. Там было столько народу! Большую часть вечера я развлекала основных зарубежных блогеров.

– Мария! МАРИЯ! Она здесь! – Крик пронесся по помещению. Мария Рингсмосе испуганно обернулась на молодого человека в черном костюме, который отчаянно жестикулировал в пяти метрах от нее. Она сорвала с волос резинку, пальцами расправила локоны, на мгновение

нырнула лицом в рукав и оценила свой внешний вид, взглянув в зеркало, установленное над вешалкой с одеждой.

– Черт, переодеться я уже не успею! Я вынуждена вас покинуть. Приехала Кайтуре. – Бросив взгляд на их растерянные лица, она пояснила: – Кристина Базан. Блогер, у которой более двух миллионов фоловеров в Инстаграме. Мы заплатили огромную сумму, чтобы она приехала.

– Подождите! У нас есть еще несколько вопросов...

– Придется повременить. Сожалею!

– Мы можем встретиться с вами завтра?

– Да, только сначала позвоните. – Мария Рингсмосе уже начала удаляться. Отойдя на пару метров, она остановилась и быстро осмотрелась. – Скажу еще только вот что.

– Да?

– Вы спросили, кто был ему ближе всего. Если называть кого-то помимо меня и матери, то это Йоханнес Ледмарк. Они прекрасно знали друг друга. – Она слегка дернула плечами, не уверенная в том, что дополнение было важным. Затем отвернулась и ушла.

Йеппе вытащил телефон и набрал номер Йоханнеса, не обращая внимания на недоумевающий взгляд Анетты. Сразу включился автоответчик – телефон был выключен. Йеппе принялся искать номер Родриго, сожителя Йоханнеса, и пролистал его мимо несколько раз, прежде чем успел нажать на нужную кнопку.

Родриго ответил после первого гудка.

– Привет, Йеппе. – Родриго даже спустя много лет продолжал говорить с сильным акцентом, что всякий раз заставляло Йеппе невольно улыбнуться. Дьеппе.

– Родриго, извини, что я тебя отвлекаю, я только хотел убедиться, что Йоханнес дома. Наверное, все никак не проспится?

В трубке повисла тишина. Сердце Йеппе билось быстрее с каждой секундой молчания.

Родриго откашлялся.

– Нет, его нет дома. Он вчера был на вечеринке, до сих пор не вернулся. – Голос Родриго становился все тише с каждым словом и почти исчез к концу фразы.

Йеппе посмотрел на часы. Пятнадцать минут второго.

– Как это не вернулся? А где он?

Дни, когда считалось вполне нормальным объявиться дома после ночной прогулки далеко за полдень следующего дня, минули настолько давно, что Йеппе с трудом мог воскресить в памяти то время.

– Вообще-то я понятия не имею, где он.

– А, ладно. – Йеппе не любил приставать с докучливыми расспросами, сам же Родриго не предоставил никаких дополнительных сведений. – Попроси его перезвонить, как только он придет домой, хорошо? Сразу же!

Йеппе нажал на кнопку отбоя и положил телефон в карман.

– Он куда-то уехал?

– Судя по всему, где-то в городе. – Йеппе пожал плечами. – Так, а у нас тут подоспело дело для расследования. Давай приступим? – Йеппе говорил чересчур оживленно, но Анетту было не провести.

– Йоханнес исчезает, в то время как человек, сопровождавший его на вечеринке, обнаружен мертвым в сугробе?..

– Он скоро вернется домой, тогда мы побеседуем с ним и выясним, что произошло.

Анетта толкнула тяжелую дверь и вышла на холодную лестницу Ратуши.

– Как-то все это подозрительно выглядит.

Анетта была права. Это выглядело чрезвычайно подозрительно.

Глава 4

На зернистой видеозаписи Альфа Бартольди предстал на танцполе в обществе двух девушек, которые, широко улыбаясь, извивались вокруг него с затуманенными глазами. Мобильный телефон, на который был снят ролик, держала в руке одна из участниц трио. Хмельные и дерзкие, все трое пребывали в состоянии счастливой эйфории.

Ассистент полиции Сара Сайдани улыбнулась. Она уже давным-давно не распускала волосы и не напивалась. Она записала ники девушек из Инстаграма и продолжила просматривать фотографии и клипы, всплывающие на экране после набора в поле поиска @alphabarthy и #lestanparty. Это был длительный процесс, по-настоящему кропотливая работа, от которой двоилось в глазах и ныла поясница. Однако из многочисленных инструментов, имеющихся в арсенале следователя, социальные сети являлись, безусловно, самым эффективным. Телефонные и банковские выписки, конечно, тоже приносили свою пользу, но потребность людей в хвастовстве и стремление быть признанными оставляли цифровые улики, которые тут же бросались в глаза, как разметка на взлетно-посадочной полосе аэродрома.

На одном из снимков Альфа стоял в окружении трех юношей в черных облегающих футболках, у них в руках было по подносу с напитками. Подпись под картинкой гласила: «Crew by beautifulpeople.dk». Сара Сайдани прокрутила вниз неиссякаемый поток изображений. И это она еще не бралась за Snapchat и Facebook.

Выпрямившись, она взглянула на часы в нижнем углу экрана. У нее была в запасе еще пара часов до закрытия школьной продленки, затем надо было забирать девочек. Коллеги отправились на выездные задания: Кернер и Вернер – в Ратушу, Томас Ларсен – в Институт судебной медицины, чтобы побеседовать с матерью умершего. Ее собственная часть работы по данному делу была четко обозначена с самого начала: социальные медиа, список гостей, возможные свидетели. Чисто офисная работа. Как всегда. Присутствующие на вечеринке гости, с которыми она уже успела пообщаться по телефону, не смогли добавить к имеющейся информации ничего существенного, лишь то, что Альфа покинул праздник не раньше 23:30. Недавно в английском детективном сериале была одна сцена, когда целая команда следователей расселась перед многоэкранными мониторами и подробно изучала биографию подозреваемого. Она оглядела пустой кабинет. Единственное место в стране, где теперь можно увидеть крупные группы полицейских, это государственная граница. Четыреста штатных сотрудников занимаются ловлей контрабандистов и жалких беженцев.

А она сидела здесь в одиночестве, с ноутбуком, телефоном и нескончаемым списком людей, с каждым из которых предстояло связаться и расспросить о знакомстве с погибшим, а также заставить поделиться любыми наблюдениями в связи с состоявшейся вечеринкой. Если только начать думать о том, насколько абсурдно справляться с подобным заданием в одиночку, кабинет немедленно пропитается негативной энергией. К сожалению, сокращение кадров никоим образом не оправдывает народные ожидания в отношении роста раскрываемости преступлений. Совсем наоборот.

Сара не спеша скользила пальцем вниз по списку гостей и ставила крестик всякий раз, когда натыкалась на имя, фигурировавшее в подписях к снимкам Альфы на вечеринке. Имена, имеющие, по ее мнению, отношение к делу, она заносила в список лиц, подлежащих допросу. Она редко смотрела телевизор и не особо разбиралась в датских знаменитостях, но, несмотря на это, несколько имен бросалось в глаза. Баронессы, поп-звезды, всевозможные медиаперсоны; судя по всему, индустрия моды представляла собой фон, на котором каждому хотелось засветиться.

Сёрен Вести – это имя было ей знакомо. Бизнесмен в неизменной черной кепке и всегда с самодовольной улыбкой на лице. Сара нашла фотографии, на которых он был отмечен вместе

с Альфой, всего две штуки. Одна, вероятно, была сделана у самого входа на мероприятие, так как сзади виднелась пресс-стена с отпечатанными названиями спонсоров. Мужчины стояли по бокам от дизайнера из «Le Stan». Все трое смотрели прямо в объектив, однообразно улыбаясь и демонстрируя публике белоснежные зубы. Вторая фотография была снята у бара и совершенно не являлась постановочной. Сёрен Вести разливал шампанское из бутылки магнум, а Альфа наклонился и подставил язык под горлышко бутылки, как будто собирается похитить искрящиеся пузырьки, прежде чем они достигнут бокала.

В числе наблюдателей этой сцены Сара обнаружила Лулу Суй, ясновидящую, Рольфа Токлума, дизайнера, Йоханнеса Ледмарка, актера, и Кару Скривер, певицу. Фотограф запечатлел мгновение, озарив вспышкой темноту праздничного помещения, мимоходом бросив взгляд на безудержное веселье.

И все-таки в сцене этой присутствовала некая двойственность, на что Сара не могла не обратить внимания; что-то неестественное было в широко раскрытых хохочущих ртах, какая-то холодность во взглядах. Кажется, Сёрен Вести смотрел на Альфу чересчур напряженно. Возможно, он просто был недоволен неожиданно щелкнувшим затвором фотоаппарата. Или же Сара пытается присвоить сцене некий подтекст, зная, что несколько часов спустя Альфа будет обнаружен в снегу мертвым.

Полицейская база данных не предоставила никаких сведений о наличии судимости у кого-либо из присутствующих на фотографии; это почему-то тоже показалось ей странным. Сара внесла в список подлежащих допросу лиц пять фамилий и продолжила просматривать фотоматериалы. Однако через несколько минут она осознала, что не может сосредоточиться. Набрав в поисковике «Йоханнес Ледмарк», она пробежала глазами пару первых страниц заголовков. Это были ссылки на статьи в бульварной прессе и всевозможных утренних газетах – судя по всему, этот человек активно осваивал красную дорожку.

На фотографии с одной из театральных премьер Йоханнес Ледмарк предстал в обществе Кернера. Вот оно что! Кернер его друг.

Сара продолжала поиски. На большинстве снимков Йоханнеса Ледмарка сопровождал красивый темноволосый мужчина, которого не было на фотографиях с вечеринки. Избранник Йоханнеса. Она кликнула на одну из ссылок и очутилась на странице интервью с этой семейной парой, опубликованном в одном из женских журналов около полугода назад. Незадолго до этого они переехали в Вестebro и обосновались в квартире с грубо окрашенными половиками и множеством стильных акцентов в интерьере. Их достаточно зрелые любовные отношения содержали множество оттенков и нюансов, зачастую совершенно неожиданных для самих партнеров. Даже спустя двенадцать лет им удавалось сохранить свежесть едва зародившихся чувств. Журналист осмелился даже назвать их любовь легендарной. Сара закатила глаза. Легко, наверное, дается эта самая легендарная любовь, когда ты богатый и бездетный.

Сара с раздражением закрыла статью. Ее собственный рациональный брак нельзя было назвать особо страстным, несмотря на то что обе семьи считали бывшего мужа Сары вполне современным мужчиной. Вообще-то, наверное, таким он и был, добрый милый Мидо. Только он так и не смог прижиться в Дании. Не сумев воспользоваться своим образованием биолога по причине трудностей в освоении языка, он был вынужден метаться между временными подработками в качестве уборщика и унижительными беседами в центре занятости населения и в итоге сломался. Она видела это в его темных печальных глазах, когда он встречал ее после работы.

Однажды весной во время прогулки к Кронборгу он прямо сказал об этом. Я хочу домой. Без всяких намеков и околичностей, вот так просто взял и сказал. Он никогда не спрашивал, поедет ли она с дочками вместе с ним. Спустя два месяца он уехал, и Сара осталась одна с Аминой и Мериэм. Развод оформили по Интернету. В марте исполнится уже три года с тех пор. Поначалу они часто общались по скайпу. Теперь связывались в основном, когда надо было

обсудить подарки на дни рождения дочерей, да изредка справлялись о здоровье друг друга. Мать Сары сказала, что он женился. Она совершенно не скучала по нему.

Любовь – это совсем не то, что показывают в фильмах. И не та романтическая сказка, в существование которой заставляют нас поверить журналы. Любовь – это непонимание, разочарование от несбывшихся надежд и постоянные ограничения. Чувства, которые постепенно затвердевают, как застывающий стеарин.

Сара посмотрела в окно на снег, гигантскими хлопьями падающий на город. Сейчас она предпочла бы оказаться снаружи на холоде, чем сидеть в кабинете. Но кто-то ведь должен был проделать эту работу. Бросив последний взгляд на снежинки, она вернулась к монитору.

* * *

Мешки для мусора, средство для мытья посуды, рулон бумажных полотенец – обычные бытовые товары, ими пользуются все. На противоположном конце города магазинная тележка потихоньку наполнялась товарами повседневного спроса. К чему рисковать? Никто ничего не проверял – зачем? Умеренный темп, только не слишком быстрый, опущенная голова, шапка низко надвинута на брови.

Интересно, быть разъеденным изнутри – как это?

Возможно, чем-то напоминает изжогу, по крайней мере сначала, затем – боль в животе, вкус крови. Как Альфа Бартольди понял, что боль уже никуда не денется? Или он с самого начала осознал необратимость последствий, когда гидроксид натрия прогрыз себе путь из пищевода и желудка, попал в кровь и сожрал все на своем пути? Безмятежный, чуть ли не умиротворенный в своей жестокой медлительности.

А вот смерть Альфы никак нельзя назвать безмятежной. Неудержимая рвота, кровоточащая ротовая полость, прожигаемая едкой отравой. Вот мгновение, когда боль становится невыносимой, но он даже не в состоянии позвать на помощь. Паника во взгляде, первобытный страх человека, который понимает, что растворяется изнутри. Ужас.

Карма – все-таки замечательная вещь. Все зло, что мы посылаем во Вселенную – во имя эгоцентризма и тщеславия, однажды возвращается к нам и пожирает нас изнутри. Мы-то думаем, что сами выбираем, но судьба крепко удерживает нас на заранее predetermined пути. Чем выше задираем мы нос к небесам, тем сильнее разочарование, когда внезапно оказывается, что дорога скатывается в бездну.

Альфа Бартольди задрал нос высоко. Он проявлял жестокость, бесцеремонно вторгаясь в жизни других людей, безразличный ко всему, помимо собственного насквозь фальшивого зеркального отражения. Неудивительно, что он был одинок. Возможно, людей привлекал этот харизматичный циник, они желали погреться в лучах его успеха, но никто не выдерживал его слишком долго. Ночные истерики, страх ожидания того момента, когда мир разглядит наконец его пустое сердце, – со временем все это начинает утомлять.

А вот и полка с чистящими средствами – синие и зеленые пластиковые бутылки с этикетками, предупреждающими о степени токсичности содержимого. Вызывает локальное раздражение тканей! Обладает разъедающим эффектом! Высокая степень токсичности! Бутылка оказывается в тележке, не привлекая особого внимания. Никакой очереди у кассы – до вечернего столпотворения в магазинах еще есть время. Товары по очереди выкладываются на ленту. Сдержанная улыбка в адрес уставшей кассирши. Оплата наличными, пожалуйста. Да, будьте добры, пакет. Восемь коротких шагов мимо полок с рекламным товаром в направлении раздвижных дверей, к тротуару, посыпанному солью.

Пакет беззаботно раскачивается с каждым шагом. Скоро счета будут сведены.

* * *

Сорок пять минут. Именно столько просидел Йеппе в кафе у Озер в ожидании Йоханнеса. Часть времени он потратил на пересылку КП отчета с предварительными результатами, чтобы она подготовилась к утренней пресс-конференции. А затем просто сидел и неспешно потягивал пиво. Приятели, коллеги собирались компаниями, потягивали коктейли в расслабляющей обстановке и непринужденно смеялись. Пуховики громоздились на спинках стульев, из динамиков звучал инди-рок конца девяностых.

Йоханнес по-прежнему не отвечал на звонки. Выцедив из бутылки последнюю каплю пива, Йеппе беспомощно огляделся. Ехать домой совсем не хотелось, в нем созрела потребность поговорить с кем-нибудь здравомыслящим. Ох, как многое принимаешь в браке как данность!

Йеппе отыскал номер Эстер ди Лауренти и написал ей сообщение. Они с Греггерсом переехали в дом неподалеку отсюда, а он их еще не навестил. Она ответила немедленно, выразив удивление и радость, – конечно, они с удовольствием примут Йеппе у себя! От Йоханнеса так и не было никаких вестей, и, заплатив за пиво, Йеппе вышел из заведения и зашагал вдоль окрашенных в пастельные оттенки домов, выстроившихся на берегу озера.

Хельбак, Балслев, Андерсен... вот: Лауренти/Германсен, квартира на четвертом этаже. Нажав на кнопку домофона, Йеппе отступил на шаг назад от темно-синей двери подъезда и запрокинул голову. Пеблинге Доссеринг – вовсе не плохая альтернатива частному дому на Клостерстрэде. Возможно, правда, тут не самое подходящее место для проживания двух пожилых людей. Поднимаясь по лестнице, Йеппе преодолевал по две широкие ступени за раз.

Когда он оказался на четвертом этаже, Эстер ди Лауренти уже стояла на пороге квартиры, ласково улыбаясь, а у нее под ногами крутились и таяли два мопса. Он направился к хозяйке, протянув руку, однако она тут же заключила его в объятия, какими удостоивала лишь тех людей, с кем ее связывали особые отношения. Минувшим летом дело об убийстве навсегда сплотило их.

– Как приятно тебя видеть, Йеппе. Давно мы не встречались! Ты прекрасно выглядишь!

– И вы тоже! – Йеппе поймал себя на том, что его ответная реплика не просто дань вежливости. Эстер и впрямь выглядела замечательно. Все такая же стройная, с прежней короткой стрижкой, только теперь на щеках ее пробился румянец, а в глазах появился блеск. Мягкая ткань абрикосового цвета очень шла ей, образ дополнялся массивным колье из слоновой кости.

– Ну-ну, тише, Докса, Эпистема, уgomонитесь, он пришел в гости ко мне, а не к вам.

Йеппе с опаской обошел собак и прошел в квартиру вслед за Эстер. Меблировка полностью повторяла ту, что была в доме на Клостерстрэде: безделушки, привезенные из зарубежных поездок, марокканские подушки и стеллажи, пестреющие сотнями книжных корешков. Очень по-женски, с легким налетом безалаберности. Однако здесь, где помещение оказалось светлее, а потолки выше, не осталось и следа прежней гнетущей атмосферы. Вроде бы весь интерьер остался прежним, но стал более упорядоченным и опрятным, оптимистичным и светлым.

– Вы уже успели прекрасно обосноваться. А какой вид! – Подойдя к окну, Йеппе не смог сдержать своего восхищения.

– Да, а днем даже еще приятнее. И я никогда от него не устаю. Тут всегда есть на что посмотреть. Ты кофе с молоком пьешь?

Они устроились на диванном уголке. Эстер разлила кофе в миниатюрные фарфоровые чашки и подала портвейн. Неплохая альтернатива выпитому в одиночестве пиву. Йеппе чувствовал, как постепенно проникается умиротворением.

– Как у вас заживает челюсть? Или все уже в полном порядке?

Эстер печально улыбнулась. В результате побоев, которым она подверглась летом, у нее оказались сломаны челюсть и четыре ребра. Не так уж легко справиться с последствиями подобных травм в столь преклонном возрасте.

– Мне грех жаловаться. Челюсть почти как прежде, торс стал гораздо подвижнее. Скоро все восстановится. – Она отпила глоток золотисто-красного портвейна и удовлетворенно кивнула. – А у тебя как дела, Йеппе? Поездка удалась?

– О да, спасибо, это было... забавно. Австралия – дикое место. Я путешествовал с рюкзаком и палаткой, довольно примитивно. Как будто вернулся во времена своей молодости. – Йеппе улыбнулся. Несмотря на разницу в возрасте и тот факт, что они были знакомы всего полгода, отношения между ними установились такие, что самые сокровенные вещи доверялись друг другу совершенно запросто. – Моя поездка была животворной. Да, а еще я обзавелся там милой возлюбленной. По крайней мере, я до сих пор встречаюсь с этой девушкой.

– Как тебе повезло. Мне так отратно слышать, что ты обрел утраченную веру в любовь. А скольким несчастным за всю жизнь так и не приходится испытать это чувство!

В ее искренней душевности таилось нечто такое, от чего Йеппе охватила щемящая тоска. Отзывчивость Эстер обнажила то, что лучше было бы держать скрытым.

Раздался стук в дверь, из коридора заглянул в гостиную Грегерс Германсен. Йеппе поднялся поприветствовать его.

– Добрый вечер, Грегерс, рад вас видеть. – Они обменялись рукопожатиями, старичок глядел на Йеппе с подозрением, словно понятия не имел, кто перед ним стоит. – Йеппе Кернер. Полицейский. Мы встречались...

– Благодарю за справку, но я ж не совсем идиот, а? Исключительно на основании солидного возраста не стоит приписывать человеку старческий маразм. Эстер, я пойду проветрюсь – тебе ничего не надо? Только к арабскому мяснику я не пойду, даже не проси.

– Нет, Грегерс, спасибо за заботу. Приятной прогулки тебе! Осторожнее на тротуарах, на улице гололед!

Грегерс сдержанно кивнул Йеппе и прикрыл за собой дверь. Йеппе вернулся на диван.

– Да, кажется, и у Грегерса тоже все по-старому.

Эстер рассмеялась.

– Наш Грегерс – это восемьдесят три года бесконечных обид, заключенные в одно-единственное тело. Но он стал мне замечательным товарищем. Я так благодарна судьбе за то, что мы обрели друг друга. Хоть какой-то положительный момент связан со всей этой жуткой историей... – Она улыбнулась, так что глаза почти скрылись в сети тоненьких морщинок. – Ну, Йеппе, что тебя терзает? Ты ведь пришел сюда так оперативно не ради пустой болтовни? – Эстер взяла кофейник и посмотрела на Йеппе, приподняв брови.

– Новое дело. Убийство произошло ночью. Тело обнаружили в снегу в парке Эрстеда. Один из друзей Йоханнеса. – Йеппе протянул чашку Эстер, не отказавшись от добавки кофе.

– Ты про Йоханнеса Ледмарка? Твоего знакомого?

Йеппе кивнул.

– Он был на вечеринке вместе с пострадавшим, почти до самой его смерти. А с тех пор его никто не видел. Он еще не вернулся домой, мы не можем выйти с ним на связь.

Эстер выглядела шокированной. Йеппе заметил, что она поспешила скрыть свою реакцию.

– А кто жертва?

– Подумать только, вы ничего не слышали? Информация уже прошла по всем СМИ... Альфа Бартольди. Король модной индустрии.

На этот раз потрясение невозможно было скрыть. Эстер обеими руками прикрыла рот.

– О боже, какой кошмар!

– Вы были с ним знакомы?

– Не очень близко. Мы несколько раз встречались благодаря моему другу Ивану, дизайнеру. Несколько лет назад Иван приглашал нас на вечеринку к себе домой.

– Каким он был человеком?

– Точно таким же, как на телеэкране. Резкий и громкий, стремился заполнить собою все пространство, но в то же время веселый. Как жаль! Хотя он уже давно двигался в этом направлении.

– Что вы имеете в виду – в каком направлении?

– Ну, я, конечно, совсем не в курсе, при каких обстоятельствах он погиб. Но если его обнаружили в сугробе после вечеринки... Он употреблял наркотики и много пил на том вечере у Ивана. У меня сложилось впечатление, что так было не первый раз. Ты знаешь, есть люди, у которых прямо глаза светятся от тяги к саморазрушению. Таков был Альфа.

– Но, к сожалению, в данном случае речь не идет о саморазрушении. Кто-то ему помог. – Подобное утверждение являлось неосмотрительным со стороны Йеппе, но все равно в прессе скоро поползут слухи. Уж по крайней мере после утреннего брифинга КП.

– И ты переживаешь из-за того, что в этом оказался замешан Йоханнес?

– Да, – признался Йеппе. – А еще из-за того, что он все-таки допрыгался.

Некоторое время они пили кофе в тишине. Одним из удивительных качеств Эстер являлось умение замолчать, когда нечего было сказать, но при этом не возникало чувства неловкости. Йеппе обвел взглядом ее новую гостиную – образчики современного искусства и африканские маски, красочные глиняные изделия из Мексики и стопки бумаг, уже начавшие скапливаться в углах и на горизонтальных поверхностях. В какой момент наш дом превращается из временного функционального объекта в наше собственное отражение? Невозможно было представить себе жилище, больше похожее на Эстер, тут словно все стены были увешаны ее изображениями.

Хлопнув себя по бедрам, Йеппе встал с дивана.

– Пора мне двигаться к дому. Благодарю за кофе.

– И портвейн! – подмигнула Эстер.

– И портвейн. Само собой. – Йеппе улыбнулся.

– Йеппе, я всегда тебе рада, так и знай. – Эстер проводила его до двери и обняла на прощание. – Надеюсь, что нет причины для беспокойства. Наверняка он скоро вернется домой.

– Очень рассчитываю на то, что вы правы. Спасибо. – На пороге он замялся. – Скажите, вы пишете новую книгу? Или...

С таким же успехом он мог бы с размаху ударить ее по почкам. Взгляд ее похолодел, рот скривился. Он не успел даже извиниться за вырвавшуюся фразу, она лишь молча покачала головой и закрыла дверь.

* * *

– Вы являетесь шестой в списке ожидания.

Анетта Вернер немного отклонила спинку автомобильного сиденья назад. Видимо, ждать придется довольно долго. Будь прокляты врачи, дежурящие на телефонах! Причем ведь все равно толку будет ноль. Она сжала левую руку и по очереди расправила пальцы, чтобы прогнать сон. Глубоко вдохнула и попыталась успокоить бешеное биение сердца. По дороге домой ее вновь настигло. Анетту, которая всегда славилась железным здоровьем! Ее семейный доктор всегда шутил по поводу смехотворно низкого уровня холестерина у нее в крови и говорил, что такие люди, как она, оставят его без работы. «Только не забывайте пить витамины, Анетта!»

Повернув голову в сторону, она заглянула в окна собственного дома. Хольмеос, 14, Гreve Стран. Он источал теплый свет в вечерней темноте и манил не хуже пряничного домика посреди дремучего леса. Она не видела Свена, но знала, что он там, вовсю стряпает ужин.

Наверняка блюдо чуть ли не весь день томилось на медленном огне, а как только она войдет в дом, Свен аккуратно выложит его поверх картофельного пюре, толченном на сливочном масле. Свен, милый Свен. Ее чудесный муж! Как он замечательно справляется с домашним хозяйством, распространяет вокруг себя чувство защищенности и благополучия и никогда не повышает голос! Серебряная свадьба не за горами, а он по-прежнему способен вызвать у нее ощущение порхающих в животе бабочек. Нежный и веселый, он заботливо ухаживает за ней и тремя бордер-колли, которых они завели вместо детей и к которым действительно относились как к собственному потомству. Как бы противоестественно это ни было для женщины, но она никогда не горела желанием иметь детей, и он принял в ней даже это.

– Вы являетесь шестой в списке ожидания.

Проклятие! Сейчас ей придется бросить трубку и отправиться к Свену, она не могла поступить иначе. А тонометр пусть пока полежит в «бардачке». Появление аппарата дома означало бы окончательное признание собственных проблем со здоровьем. А она не хочет заставлять Свена переживать.

Ожидая своей очереди, Анетта взяла айпад, чтобы просмотреть сделанные за день записи. *«Представитель мира моды обнаружен мертвым в парке Эрстеда, причина смерти: проглатывание жидкости, разъедающей ткани и органы, обстоятельства случившегося пока неизвестны. Подозрительный смертельный исход».*

Альфа Бартольди выпил какой-то яд, который его убил. Значит, кто-то должен был дать ему эту отраву. Стоит исходить из того, что ему намеренно причинили вред. Эти люди слишком зрелые для таких злых шуток. Никто из гостей вечеринки, с которыми до сих пор успела поговорить Сайдани, не заметил ничего подозрительного. Однако, возможно, фотографии с мероприятия что-то прояснят?

Сайдани выложила снимки из социальных сетей в виртуальную папку, общую для участников расследования: «Фото Альфы с вечеринки Le Stan». Всего 167 штук. Анетта открыла папку и начала листать. На изображениях мелькали Альфа и множество разных людей, битком набившихся в большое темное помещение с ярко расписанными стенами; красивые люди, стройные и ухоженные, в общей массе они выглядели старовато для своего стиля одежды. Мини-платья, высокие сапоги на шпильках, толстовки с надписями, легкомысленные бейсболки. Глаза в густом обрамлении темной подводки, неестественно розовые яблочные щеки, редкие улыбки.

На одной из фотографий Альфа стоял с бокалом в руке и беседовал с азиаткой, облаченной во все розовое. Он производил впечатление андрогина. Джинсы его были усеяны таким количеством дыр, что это создавало комический эффект. На барной стойке позади них выстроилась целая батарея стаканов с жидкостями всевозможных цветов, над ними колдовал тощий, как топ-модель, молодой бармен. Неужели кто-то и впрямь вынудил Альфу выпить яд, смешав его с газировкой? Йоханнес Ледмарк виднелся где-то на окраине кадра – он вел беседу с группой женщин, которые смотрели на него с таким придыханием, словно он представлял собой вожделенное пирожное, замаячившее в финале долгого и утомительного курса похудения. Альфа же, казалось, смотрит сквозь азиатку, и все его внимание приковано к Йоханнесу.

Анетта вновь повернулась к светящимся окнам. Затем оставила попытки связаться с дежурным врачом и вошла в дом. Она записалась на прием к новому доктору на понедельник, оставалось надеяться, что до понедельника она не околеет.

Открыв ленту новостей в Интернете, она обнаружила, что новое дело составляет чуть ли не все содержание ленты. Сенсация, это ясно. Очень удачный сюжет, два в одном – знаменитость и убийство. Здесь даже можно было не прибегать к кликбейту¹², чтобы хорошо зарабо-

¹² Кликбейт (от *англ. click* – щелчок и *bait* – наживка) – способ построения заголовка, искажающий смысл основного материала статьи ради того, чтобы заинтересовать потенциального читателя.

тать на материале. «Босс из мира моды найден мертвым в снегу», – таков был один из заголовков. Анетта вновь почувствовала учащение пульса и выключила айпад. Спокойствие, глубокое дыхание. Просто добавилось немного стресса, или как это, черт возьми, еще назвать.

– Вы являетесь пятой в списке ожидания.

Анетта с раздражением отключила телефон, захлопнула за собой дверцу машины и поспешила к Свену.

Глава 5

Нет в мире ничего более печального, чем полузаброшенный дом, сохранивший воспоминания о былом оптимизме.

Не успев толком раздеться, Йеппе стоял в прихожей и смотрел на сад в упадническом настроении. Вон та слива через несколько лет впервые принесет долгожданный урожай. Террасу должны были достроить минувшим летом. В теперь пустующей комнате планировалось обустроить детскую. Дом представлял собой позорное свидетельство развалившегося брака и вызывал исключительно неприятные ощущения. Избавиться бы поскорее от этого дерьма, подумал Йеппе, вешая куртку на пустую вешалку.

Агент по продаже недвижимости предупредил о грядущем на следующий день визите клиентов, так что Йеппе предстояло привести жилище в порядок. Продать этот дом было не очень просто – граничащая с участком железная дорога отпугивала большинство потенциальных покупателей. Неудачное расположение, в этом все дело. Йоханнес так и не проявился. Йеппе снова позвонил ему, затем позвонил Родриго, но в обоих случаях наткнулся на автоответчик.

По углам скопились клоки пыли. Йеппе зашел на кухню, налил себе пива и проглотил кусок вчерашней пиццы, стоя перед открытым холодильником. Затем достал пылесос, с которым отправился на небольшой второй этаж. Надев наушники с звучащим в них альбомом Ло-Фанг «Blue Film», он принялся за уборку. Музыка вернулась в его жизнь с появлением Ханны. Она и помыслить не могла начать день без музыки, и Йеппе осознал, насколько тихой стала их с Терезой семейная жизнь за последние пару лет брака. Ни разговоров, ни музыки.

Он присел на корточки, предоставив пылесосному шлангу поглощать пыльный ковер под комодом от «Илва».

«It's not easy calming down this feeling, calming down this feeling»¹³.

Роли, которыми мы наделяем друг друга в браке! Чего уж тут удивительного, что мы костенеем в них и однажды утром просыпаемся с ощущением внутренней опустошенности? Именно этим Тереза оправдывала свою измену, и теперь Йеппе начинал видеть в этом смысл. Нечто опасное есть в том, что ты все без исключения знаешь про другого человека.

Он выключил пылесос и отнес его вниз. Рюкзак еще стоял в прихожей вместе с туристическими ботинками и накренившимся спальным мешком. Вздохнув, Йеппе поставил пылесос на пол. Срочно в подвал все это барахло! Он закинул рюкзак на спину и приоткрыл дверь, ведущую на подвальную лестницу.

Хлоп!

Йеппе застыл. Даже несмотря на музыку, играющую в наушниках, ошибки быть не могло. Это был звук захлопнувшейся двери в подвал.

Он снял наушники. Замер и прислушался. Полная тишина. Так беззвучно может быть только в квартале частного сектора. Он слышал лишь громopodobные удары собственного сердца. Неужели ограбление? Его девятимиллиметровый ствол «Хеклер-Кох УСП Компакт» тихо-мирно лежал в Управлении, в комнате, специально предназначенной для хранения табельного оружия. Он прикинул, чем можно было бы воспользоваться в качестве оружия, осторожно снял рюкзак и проскользнул в кухню. Нож не очень подходил в данной ситуации, если, конечно, не хочешь спровоцировать кровавую потасовку. Сейчас лучше тяжелая сковорода.

¹³ Нелегко успокоить, усмирить это чувство (англ.).

Медленно и осторожно он начал спускаться в подвал по той стороне лестницы, где слабее скрипели ступени. В носках, с занесенным, как топор, чугунным сотейником, подаренным им с Терезой на свадьбу ее родителями.

Да нет тут никого. Видимо, то были галлюцинации.

И все-таки он был уверен, что слышал, как хлопнула дверь. Йеппе спустился с последней ступеньки. По-прежнему ни звука. Веяло прохладой, словно на сквозняке. Через носки он ощутил промерзший пол подвала. Вдоль стен проступали очертания пыльных полок. Сердце бешено колотилось в груди, он ощутил непреодолимое желание развернуться, добежать до машины и уехать отсюда подальше. Сделав глубокий вдох, он попытался успокоиться.

Не было никакого смысла продолжать стоять в темноте. Пошарив рукой по стене, он нащупал выключатель и включил свет. Подвал был пуст. Опустив сотейник, Йеппе подошел к двери. Никаких следов взлома, все как всегда. На всякий случай он потянул дверь на себя. Она открылась.

Оказывается, дверь была не заперта.

На полу у порога намело снега. Значит, это были не галлюцинации, дверь не была закрыта на замок и хлопала от сквозняка.

Прежде чем покинуть дом, Йеппе всегда проверял все двери. И дверь подвала была заперта, когда он уезжал на работу. А теперь она открыта. Ключ, помимо него самого, имелся только у Йоханнеса.

Йеппе обошел весь первый этаж, везде включил свет. Никого. Проверил наверху, снова спустился вниз и, надев сабо, вышел в сад. Он был один. Перед входом в подвал с улицы виднелись следы на снегу, однако он сам туда спускался утром за лопатой для снега, так что, вероятно, следы были его собственные.

Видимо, сам и забыл запереть дверь.

Йеппе вернулся на кухню. Обрести прежнее ощущение безопасности оказалось не так уж легко. Облокотившись на стол, он взял бокал, полный еще прохладного пива. Он медлил.

Альфа выпил напиток, который растворил его внутренние органы.

По спине от копчика до самой шеи пробежали мурашки, отчего волосы, растущие выше горловины свитера, немедленно встали дыбом. Не успев как следует обдумать пришедшую ему в голову мысль, Йеппе выплеснул пиво в раковину и вышел в коридор. Надел куртку и ботинки. Надо поскорее убираться отсюда. Отыскав в кармане ключи от машины и направляясь к подъездной дорожке, он написал сообщение Ханне. От вороха мыслей мозг его кипел, порождая смятение.

* * *

«Dôme épais le jasmin, a la rose s'assemble, rive en fleurs frais matin, nous appellent ensemble...»¹⁴

Родриго налил себе еще белого вина, уже третий бокал за последние двадцать минут, и оглядел гостиную их с Йоханнесом квартиры на Скюдебанегэде. Вино постепенно действовало, тем более что он так и не поужинал. В данный момент он жалел о том, что не является любителем виски или коньяка; более крепкий напиток притупил бы чувства гораздо эффективнее, нежели «Грюнер Вельтлинер». «Дуэт цветов» был их общим музыкальным воспоминанием, «Лакме» была первой оперой, которую они слушали совместно во время первого романтического путешествия в Париж. Туда, где розы перемежаются с жасмином. Это было давным-давно. От того момента его отделяли десяток лет и целый континент.

¹⁴ Партия из оперы «Лакме» Лео Делиба – «О приют, где цветут розы, свесясь над рекой. Нас она в час утра манит холодной водой. В тишине по реке поплывем мы вдвоем!» (пер. либретто Е. Клетниковой).

В зеркале на стене спальни, богато обрамленном и чересчур большом – представители нестандартной ориентации любят такие зеркала, – отражались золотистая кожа и высокие скулы. Родриго ясно помнил звонок Йоханнеса после их первой встречи в Пэн-клубе¹⁵, когда тот признался, что наконец-то нашел пару карих глаз, в которые хотел бы смотреть всю оставшуюся жизнь. Спустя три месяца Родриго перебрался из Сантьяго-де-Чили в Копенгаген, и чувство влюбленности не поблекло ни разу за все двенадцать лет их отношений. Или он ошибался?

Он снова набрал номер и увеличил громкость на телефоне. Как замечательно они жили. Идеально. Все восхищались ими и их взаимной любовью, и не без оснований: двенадцать лет вместе и все еще влюблены друг в друга – ну разве не идеальны подобные отношения? Им было хорошо вместе, даже почти не приходилось искать компромиссы и подстраиваться друг под друга, они занимались любовью и веселили друг друга. Родриго был всем доволен. Но вот как насчет Йоханнеса?

Родриго не мог заставить себя признаться никому, даже Йеппе, в том, что Йоханнес пропал и раньше. Нечасто. Его длительные отлучки за время совместной жизни можно было пересчитать по пальцам. И все же такое случалось. Случилось и теперь. Йоханнес отправлялся на какую-нибудь вечеринку, стильно одетый, трезвый, в дверях дарил поцелуй на прощание и объявлялся дома лишь на второй, а то и на третий день. Он отключал телефон и был недоступен. Родриго обзванивал его друзей или колесил по улицам Копенгагена в поисках возлюбленного. Но в тайне от всех. Слишком стыдно было посвящать посторонних в семейные дела.

Всякий раз Йоханнес возвращался, толком не протрезвев, весь перепачканный, и заваливался в постель дня на полтора. Зато потом чувствовал себя очень виноватым и становился таким милым, что нельзя было его не простить. Родриго всегда казалось это ничтожной ценой за то счастье и благополучие, которое Йоханнес принес в его жизнь. За исключением самых неприятных моментов. Хуже всего было ощущение, что Йоханнес исчезнет из его жизни. Что их взрослое и счастливое совместное бытие закончится. И тогда ему придется уйти и привыкать к свободе.

Родриго позвонил в очередной раз. Снова автоответчик. Он налил себе еще вина, поднялся, дошел до туалета и перед зеркалом сбрызнул заплаканное лицо ледяной водой. Буквально накануне Йоханнес подошел к нему после душа и на этом самом месте обнял его – их прекрасные нагие тела отразились в зеркале. Красивая пара. Родриго поднял сиденье унитаза, его вырвало: белое вино с желчью, слезы, слюна.

Когда-то давным-давно он был сильным парнем. Он жил у себя на родине в окружении родных, знакомых, говорил на родном языке. Ездил на пляж с друзьями, кузенами, одноклассниками. Поездка из Сантьяго-де-Чили до Плайя ля Вирген была такой долгой, что добравшись туда, компания оставалась там на пару дней. Спали прямо на пляже, рыбачили и готовили на костре. Пили. Пели. Целовались. Курили джойнты под звездным небом. В то время он знал, кто он такой, знал, на что способен. Никакого Йоханнеса, никакой Дании. Уверенный в себе чилийский католик-гомосексуалист, интеллигент, надежный товарищ. В высшей степени принципиальный идеалист.

Но принципы непоколебимы лишь до тех пор, пока их не подвергнут проверке.

Родриго прополоскал рот и направился напрямик в угол гостиной, к столу с компьютером Йоханнеса. Преимуществом положения домашнего бухгалтера и ответственного за улаживание хозяйственных вопросов был доступ ко всем паролям. Не дав себе времени на раскаяние, Родриго набрал кличку их давно умершего английского бульдога и год рождения Йоханнеса, после чего на экране открылся виртуальный рабочий стол. Его совсем не мучила совесть, когда он открыл чужую электронную почту. Не было смысла просматривать профиль на Фейсбуке,

¹⁵ Популярная в свое время в Копенгагене дискотека для гомосексуалистов.

ведь страницу вел агент Йоханнеса, который регулярно обновлял ленту посредством всяческих историй личного содержания и рассказами об очередных успехах. Йоханнес не любил социальные медиа. Как типично для того, кому есть что скрывать, с тоской подумал Родриго.

Ничего странного в папке «Входящие» и в «Архиве». Корзина пуста. Йоханнес не имел привычки переполнять корзину, он стирал ненужную информацию немедленно. Родриго нерешительно открыл удаленные файлы iCloud, там хранились виртуально синхронизированные документы, удаленные с того или иного устройства.

Есть! От этих документов Йоханнесу не пришло в голову избавиться.

В первое мгновение Родриго испытал злорадство, быстро сменившееся печалью, от которой он едва не рухнул со стула. Вот и доказательство. Общение между Йоханнесом и Альфой, сокрытая до поры до времени беззастенчивая истина, которая, обнажившись, в одну секунду разбила вдребезги привычную жизнь.

* * *

Когда Йеппе, еще не вполне оправившись от охватившего его дома волнения, постучался в ржавую дверь на Стефансгэде, ему открыла Марджун, соседка Ханны. Взглянув на него безжизненными, никогда не улыбающимися глазами, она отвернулась, даже не поздоровавшись. По словам Ханны, у Марджун имелись проблемы в отношениях с мужчинами, но это не мешало ей быть лучшей на свете соседкой. Йеппе пересекся с ней всего несколько раз в прихожей или по дороге в ванную, но уже всю испытывал к ней ненависть с оттенком какого-то необъяснимого детского страха.

Угрюмая лесбиянка Марджун любила только женщин, кошек и анархистов, а его воспринимала как воплощение мещанства, обветшалости и уродства. С каких это пор молодежь запатентовала молодость?

– Привет, Марджун, – сдержанно поздоровался Йеппе и проследовал за девушкой в небольшую общую кухню, выходящую во внутренний дворик. Марджун предпочла проигнорировать вопрос, как дела, после чего Йеппе поинтересовался, где Ханна.

Марджун махнула большим пальцем через плечо, тем самым дав понять, что Ханна находится в ванной, и продолжила откупоривать банку с кошачьим кормом для двух полосатых мохнатых существ, трущихся о ее лодыжки. Йеппе задержался на кухне, решившись прибегнуть к пустой болтовне.

– Разве не странно кормить говядиной своих кошек, а самой при этом быть веганом? Как вообще сочетается одно с другим?

Он понял, что потерпит поражение в этой дискуссии, едва собеседница открыла рот.

– Кошки являются хищниками, им по природе положено есть мясо, в отличие от людей.

Она раздраженно вывалила все содержимое банки в миску.

– Ох, это не совсем... – попытался возразить Йеппе, но девушка оборвала его на полуслове.

– К тому же веган тут твоя подруга, а я флекситарианец.

– Флекси-кто? Никогда прежде не слышал этого слова.

– Флекситарианец! Я не ем мясо ежедневно, но время от времени употребляю.

Хамские интонации в репликах девушки укреплялись, и Йеппе предпочел удалиться в комнату Ханны без лишних вопросов. Женщины двадцати с небольшим лет явно переоценены общественным мнением. Ханна – исключение, само собой разумеется.

Они повстречались в кэмпинговом лагере во Фримантле, симпатичном пригороде Перта, который является одним из самых удаленных мировых мегаполисов. Только ради этого стоило посетить Перт. Ханна была в обществе двух других студентов, Йеппе путешествовал в одиночестве. Они быстро нашли общий язык, как часто случается вдали от дома, когда невозможное

становится возможным. Спустя несколько дней Ханна оказалась в его палатке, где и прожила до самого конца тура. Она была слишком молодой для него. Тут не поспоришь. И все же нечто романтическое было в том, чтобы отправиться на край света и встретить там девушку с Нёрребро, девушку с веснушками и с улыбкой, будившей блаженный трепет в его теле. На данном этапе Йеппе пытался перестать анализировать ситуацию; он решил просто наблюдать, к чему это все приведет в итоге.

Ханна появилась в комнате обернутая полотенцем, лицо ее обрамляли влажные крупные локоны. Красивая, молодая, еще не обсохшая после душа. Замечательное сочетание. Лучшее в мире средство от любого беспокойства, пускай и не слишком долговременное. Йеппе ощутил пульсацию в низу живота, когда привлек к себе Ханну и скользнул руками по ее спине к ягодицам. Вся сочность, вся упругость, что воспринимается совершенно естественной, когда мы молоды, куда девается это все потом? Испаряется, тратится на сложные биохимические процессы типа фотосинтеза, превращается в облака? Что происходит?

– Дай мне хотя бы высушить волосы. – Она, рассмеявшись, оттолкнула его. – И давай сначала хотя бы поговорим. Необязательно сразу трахаться. Будешь чай?

Последнее, чего Йеппе хотелось в данный момент, это чай. Да и не только в данный момент.

– Ну давай, почему бы и нет.

Ханна наклонилась вперед и обмотала волосы тюрбаном из полотенца. Ее гибкое тело все было покрыто веснушками. Она стояла перед ним совершенно голая и такая естественная, прямо как он любил. Йеппе встречал не так много женщин, которым было бы комфортно ходить голышом перед своим мужчиной. Она натянула хлопковые трусики, маленькую грудь скрыла под безразмерной футболкой и исчезла на кухне. Йеппе слышал, как она наполнила и включила электрический чайник, как что-то сказала Марджун, от чего обе прыснули со смеху.

Он сел на толстый матрас, лежавший прямо на полу, и снял обувь. Аккуратно сложил носки и по старой привычке разложил их по ботинкам. В теле по-прежнему ощущалось беспокойство, которое не торопилось отпускать его, похожее на остатки похмелья. Ханна появилась на пороге с подносом, на котором стояли два стакана с кипятком и лежали два чайных пакетика. Она закусила нижнюю губу, как будто маневры с подносом требовали от нее большой концентрации.

– Послушаем музыку?

Не дожидаясь ответа, она открыла телефон, выбрала музыку и подключила портативный динамик. Пространство между ними заполнилось французским хип-хопом, настолько громким, что поговорить вряд ли представлялось возможным. Закрыв глаза, Ханна раскачивалась из стороны в сторону. Ее ноги покрылись гусиной кожей.

– Как прошел твой день? На занятиях была? – Йеппе приходилось кричать, чтобы услышать самого себя. – Не замерзла? Может, оденешься?

Ханна села рядом с ним, уставившись на чайный пакетик в бокале, стоявшем перед ней, гладкий лоб пересекла морщинка. Йеппе внезапно почувствовал, что, кажется, чем-то разочаровал девушку. Он совсем запутался: чего она все-таки хочет – разговаривать или танцевать?

Молчание между ними затянулось, и Йеппе получил возможность вслушаться в слова рэпера, который, насколько он понял, решил покинуть этот мир по-самурайски.

– Ничего, если я сделаю чуть-чуть потише?

Ханна отвернулась и выключила музыку. Йеппе не смог сдержать вздоха облегчения.

– Спасибо. У меня был тяжелый день. Один из друзей Йоханнеса обнаружен мертвым в парке Эрстеда, сам Йоханнес пропал. Я жутко волнуюсь из-за него. На самом деле я очень рад тебя видеть. – Он принялся массажировать ей шею и сразу почувствовал, что Ханна снова расслабилась.

– Вообще-то я сразу заметила, что ты какой-то напряженный. Давай я тебя полечу? – Она мило улыбнулась. Похоже, буря миновала. В данный момент лечиться Йеппе хотелось примерно так же, как пить зеленый чай, однако ответить Ханне отказом можно было лишь ограниченное число раз подряд, иначе он рисковал впасть в немилость. Ханна погасила свет и зажгла свечу на подоконнике. Йеппе растянулся на матрасе и закрыл глаза.

– Сделай глубокий вдох, твои энергетические потоки слишком напряженные.

Йеппе глубоко вдохнул. На самом деле сейчас он больше всего нуждался в беседе. Они с Терезой всегда обсуждали прошедший день за приготовлением ужина и бокалом вина, этот отрадный момент являлся для него кульминацией суток. Йеппе старался лежать неподвижно и пытался получить удовольствие от процесса исцеления, однако с каждым прикосновением раздражение его нарастало все больше и больше. Наконец, прочувствованно ахнув, он резко перевернулся на живот и схватил Ханну за бедра.

– Спасибо, это было прекрасно. Помогло мне расслабиться. А теперь иди-ка сюда! – Йеппе привлек юную возлюбленную и стянул с нее футболку. Раз уж им не удастся поговорить, он предпочитает заняться сексом. Теперь она даже не стала сопротивляться.

Она застонала, прежде чем он проник в ее мягкую теплую плоть. Йеппе смотрел, как она непристойно извивается – вовсе не этого добивался он своими предварительными ласками. Поведение Ханны нельзя было назвать возбуждающим его желание. Когда она села на него и откинула голову, издав звук, напоминающий ржание кобылы, он почувствовал, что охватившее его возбуждение идет на спад. Вечер обещал быть долгим.

Глава 6

Пятница, 29 января

Канаты тяжело вились на полу перед Сёрен Вести и гулко стучали всякий раз, когда он поднимал и опускал их. Раздался пронзительный свист, он отпустил канаты, поднял бутылку с водой и устремился к брусьям – там он подпрыгнул и принялся поднимать ноги к перекладине и плавно опускать вниз. Мышцы у него на руках закислились и едва не лопались от боли. Именно за этим он и пришел сюда, напомнил Сёрен Вести сам себе.

Тяжелый рок раскатисто надрывался в динамиках с целью дополнительно мотивировать кроссфитеров. Это была самая ранняя тренировка в Кёдбюене¹⁶. Свисток прозвучал снова, Вести прыгнул с брусьев, наспех промокнул лицо футболкой и начал выполнять на месте высокие прыжки из положения на корточках со сменой ведущей ноги. Последнее упражнение, предпоследний подход. Скоро он окажется в душе, вымотанный и обессиленный, намылит себя ванильным мылом, а затем с чувством выполненного долга облачится в костюм с иголки и отправится сначала в офис, а затем на вечерний модный показ и вечеринку.

На самом деле он уже устал от вечеринок. Во всех отношениях! Неофициальное начало Недели моды было положено еще во вторник вечером, когда под мостом Книппельсбро возник стихийный бар и, несмотря на холод, постепенно превратился в полноценную пати. В среду... ох, среду ему и вспоминать не хотелось.

Вести подбежал к канатам. Он испытывал легкое головокружение, но для данного этапа тренировки это было вполне естественно. Молодые парни и те подустали.

Краем глаза он покосился на собственное отражение в зеркале. Широкие плечи, сильные руки, которые обрушивали на пол тугие канаты, крепкие мышцы, звериная мощь. В детстве он был дохляком. Тогда он дружил с Эриком-Толстяком, вместе они переживали испытание под названием датская государственная школа. Годы, проведенные ими в Сольвангсколен в Фаруме, были отмечены ужасом перед ежедневными унижениями, которым подвергали их старшеклассники. Когда ты слишком мелкий или слишком толстый для своего возраста, лучше всего стараться быть незаметным, пусть даже это обрекает тебя на одиночество. Эрик-Толстяк и Сёрен-Заморыш научились особым образом передвигаться, ссутулившись и едва прикасаясь ступнями к земле, благодаря чему сумели чаще всего незаметно перебираться из одной классной комнаты в другую, предпочитая наименее людные коридоры и самые отдаленные дорожки, идущие вдоль школьной ограды. В те времена они мечтали о том, как станут взрослыми. Получат власть и деньги. Не то чтобы они имели представление о том, для чего им нужны эти вещи, но инстинктивно чувствовали, что именно с властью и деньгами связан для них выход из замкнутого круга.

Жизнь полна острых краев и слепых тупиков; если не проявлять должной осторожности, обязательно угодишь в один из них.

И вот он одержал победу. Теперь он стал сильным. Во всех смыслах. Когда ты финансово независим и физически силен, никто не сможет тебя одолеть. Вести привык внушать уважение, а иногда и страх. Ему нравилось и то, и другое. Он подбежал к брусьям, уцепился за перекладину, ощутив прилив энергии, и принялся поднимать и опускать ноги, не ощущая ни усталости, ни боли. Все дело в силе мысли.

Прежние школьные товарищи – или как их еще можно назвать, ведь они не были ему товарищами, – так и остались куковать в Фаруме. Наемные работники, ипотечные кредиторы, женины подкаблучники. Он же жил в Торбэке, ездил на «Ауди», заводил любовниц из среды

¹⁶ Район Копенгагена.

топ-моделей. Развод несколько лет назад пошел ему только на пользу – он устранился, не теряя хладнокровия и сохранив более-менее пристойные отношения с бывшей женой. Она осталась жить на вилле с гигантским батутом в саду, а он купил и полностью переделал небольшой дом с видом на море. Отделка из массива ольхи, встроенная звуковая система, строгий минималистичный стиль. Дети приезжали к нему по выходным раз в две недели, и, несмотря на то, что ему, естественно, не хотелось упускать ничего стоящего, все-таки такой расклад вполне подходил ему. Гораздо проще быть хорошим отцом каждый второй уик-энд, чем ежедневно с утра до вечера.

И пускай его считали скользким и поверхностным, на здоровье! За глаза его называли алчным. Да, он алчный, черт возьми! Чистя зубы по вечерам рядом со своими толстозадными женами, они мечтали пожить его жизнью, он точно знал это. Но Вести не променял бы свою жизнь ни на что на свете! Он сделает что угодно, лишь бы сохранить все как есть. Без исключения.

Прозвучал свисток, и Вести рухнул на пол со вздохом облегчения. Он лежал и восстанавливал дыхание, кровь пульсировала в венах. Словно после хорошей дозы. Он прислушался к своему организму на предмет каких-либо признаков душевного волнения. Но нет, все спокойно. Накануне ему несколько раз звонили из полиции, и он понимал, что не избежит общения с полицейскими. Но он не боялся их, он вообще никого не боялся. У него не было абсолютно никаких поводов для беспокойства.

* * *

Йеппе так и не понял, что же именно его разбудило: голос Ника Кейва, доносящийся с кухни, или одна из кошек Марджуну, которая забралась под одеяло, чтобы откусить ему палец на ноге. Ханна ушла рано утром на встречу с научным руководителем.

Йеппе сел и размял шею, пару раз повертев головой из стороны в сторону, он пытался пробудиться и прийти в себя после ночного поражения. Страхнув с одежды кошачью шерсть, он прошмыгнул в ванную комнату, чтобы наскоро обдать себя освежающей струей из душа. Не обнаружив никакого подобия полотенца, он вытерся собственной рубашкой, а затем втиснулся в одежду, балансируя на кончиках пальцев, чтобы не намочить ноги. Уже с порога в спешке поприветствовал Марджун и, не дожидаясь ответа, которого так и не последовало, побежал на «круг» ловить такси с намерением промчаться вдоль озер и добраться до Управления полиции.

Первое, что встретило его на месте, когда он в четверть девятого повесил куртку на вешалку у входа в отдел убийств и высморкал замерзший нос, был невыносимый шум. Казалось, будто в одном из кабинетов Управления многочисленная труппа театра «Стомп»¹⁷ репетировала новый номер с мусорными баками, заменяющими им барабаны. Оглядываясь по сторонам, Йеппе пытался выявить источник звука. Внезапно открылась дверь кабинета Томаса Ларсена. Оттуда выскочил мелкий мужичок в термокостюме с разводным ключом и обеспокоенным выражением лица, пробежал мимо Йеппе и скрылся на лестнице.

Проводив его взглядом, Йеппе вошел в кабинет Ларсена:

– Что здесь происходит?

Ларсен резким движением головы откинул челку со лба и устало улыбнулся Йеппе.

– Тут у нас босс. Ну, пытаются починить отопление. Шум, как в преисподней. – Ларсен демонстративно посмотрел на золотые часы, свободно опоясывающие загорелое запястье. – КП проводит внизу пресс-конференцию.

¹⁷ Британский коллектив перкуSSIONистов, создающих музыкальные шоу с привлечением бытовых объектов в качестве реквизитов и музыкальных инструментов.

Если не считать юношеской заносчивости, откровенно говоря, довольно утомительной, больше всего в Ларсене раздражал его небрежный эгоизм, который окружающие замечали не сразу. Он относился к тому типу людей, которые никогда не оставляют чаевые. Не вешают новый рулон туалетной бумаги, воспользовавшись последним куском от старого. Такие люди выходят из-за стола в ресторане, оставляя после себя свинство, потому что кто-то ведь получает деньги за уборку. Йеппе сложно было иметь дело с Ларсеном.

– Не беспокойся, КП прекрасно справится и без меня. – В данный момент Йеппе был не в духе для провокаций. – Как дела?

– Отлично! Или, точнее, если уж говорить откровенно, я немного подустал. У меня появилась новая подружка. Двадцать пять лет, ездит на «Порше Бокстер 718». Занимается инвестициями. До чего дерзкая, жуть просто! Я уже говорил, что ей двадцать пять?

Йеппе выдавил из себя подобие улыбки и на мгновение задумался, стоит ли ему упомянуть о своей двадцатичетырехлетней подружке, но решил промолчать. Учитывая обстоятельства, сегодня тут особого повода для гордости не наблюдалось.

– Что с делом?

– А, ты про дело! – Ларсен сделал вид, что смутился, как будто он вовсе не желал похвастаться своей юной богатой пассией. – Я немного изучил его частную жизнь, но тут особо не за что зацепиться.

– В каком смысле? – Йеппе сел на край стола, игнорируя неодобрительный взгляд Ларсена, направленный на его брюки. Неужели настроение может испортиться всего лишь из-за тряпки из H&M, попавшейся на глаза?

– Пострадавший проживал один, ни семьи, ни детей, ни домашних животных, если, конечно, не считать внушительной коллекции кактусов.

– Кактусов, – исправил Йеппе.

С безразличием во взгляде Ларсен продолжал:

– В данный момент в его квартире трудится команда специалистов из НЦК, однако, по предварительным данным, там все чисто, гладко и совершенно обезличено. Как в гостиничном номере. Его персональный компьютер передадут нам, как только они закончат обследование жилья, не позднее, чем в выходные. Они отправят его напрямую к Сайдани. Когда техники завершат работу, я лично отправлюсь в квартиру. А еще я назначил на вечер встречу с его подругой, Марией Рингсмосе.

– Прекрасно.

– Этот человек, похоже, был женат на своей работе. Вокруг него крутились исключительно коллеги. Стилисты, фотографы, визажисты и так далее. – Положив ногу на ногу, Ларсен провел рукой по волосам.

– Если конкретно, в чем заключалась его работа? Невозможно ведь зарабатывать на жизнь лишь тем, что ты знаменит.

– И тем не менее. Всевозможные ток-шоу, колонки в женских журналах, так называемое дизайнерское оформление модных показов. Я пока не успел объять всего, но он явно мастер на все руки. В высшей степени предприимчивый господин, все в пределах приличного и допустимого, особенно когда он выступал с собственными инициативами. При этом свою выгоду никогда не упускал.

– Бывают такие люди. – Йеппе не сумел сдержаться от саркастического комментария, но Ларсен, кажется, не понял намека. – А что с финансовым положением?

– Основную часть дохода он получал от гонораров за проекты, сущие копейки, если разобьешься, по крайней мере до тех пор, пока он полгода назад не вложил по-крупному в серию средств по уходу за кожей под маркой «A-Skin». Вчера я допрашивал помощницу Альфы, она рассказала мне о проекте. Это было крупномасштабное предприятие, которое, судя по всему, могло принести ему немалый доход.

– Я думал, для производства кремов нужно быть дерматологом или косметологом.

– Единственное, что требуется для запуска того или иного проекта, это имя. Громкое имя. Тогда продукция привлекает большое внимание и с самого начала хорошо продается. Производство разместили в Бангкоке, дизайн упаковки разрабатывал какой-то известный художник. Дело выглядело многообещающим. И все-таки минувшей осенью компания «A-Skin» обанкротилась, серия кремов так и не достигла массового потребителя. – Ларсен выдержал паузу и посмотрел на Йеппе. – Кредиторы потеряли вложенные средства, что повлекло за собой кое-какие... назовем это раздорами в индустрии моды и красоты. Он утратил свою популярность, если не сказать больше.

– Видимо, разногласия быстро были преодолены – ведь позавчера на вечеринке они развлекались все вместе. – Йеппе подавил желание зевнуть. Надо будет выпить кофе. Желательно покрепче. – Поставь меня в известность, когда появится новая информация! – Йеппе поднялся, похлопал попытавшегося отодвинуться Ларсена по плечу и отправился на свое рабочее место.

Сара Сайдани сидела на его кресле рядом с Анеттой, взгляд обоих был сосредоточен на экране ноутбука. В полной тишине они синхронно переводили взгляд по картинке. Стоя в дверях, Йеппе присмотрелся к Сайдани. Было бы неверно назвать ее красивой. По крайней мере, в классическом смысле. Ее нос был слишком горбатым, а кудряшки чересчур всклокоченными. Да она и не делала ничего, чтобы выглядеть привлекательно; одевалась в удобную мешковатую одежду, не красилась, не носила украшений. И тем не менее Йеппе всегда знал, если она находилась где-то поблизости. Как будто она посылала некий сигнал, который он не мог игнорировать. Сама же Сара никогда не показывала, что испытывает в его отношении нечто подобное. Возможно, в его глазах именно это придавало ей особый интерес. И еще тот факт, что она была невероятно талантливым сотрудником.

– Привет, Кернер, я и не заметила, что ты уже здесь. – Сайдани взглянула на него своими карими глазами. Облачность слегка рассеялась.

Откинув голову назад, Анетта прищурилась сквозь очки, балансирующие на кончике ее носа.

– Сара рассказывает мне, что ей удалось обнаружить в социальных медиа, чтобы мы составили список персон для личного допроса. Я потом ознакомлю тебя с результатами. Если ты потрудишься закрыть за собой дверь...

– Но это мой кабинет!

– Ты не мог бы пока посидеть на месте Сары?

Йеппе хотел было возразить, но передумал. Он просто не сумел. Взяв из шкафа с архивами свой ноутбук, он вышел в темный коридор и направился к кабинету Сайдани. Вот поэтому вы всегда и выходите победителями, мымры несчастные! Потому что мы не снисходим до обсуждения какой-то ерунды. *Куда поставить новый комод? Во сколько забирать детей из школы? Займемся сексом в миссионерской позе или по-собачьи? Да это совершенно неважно, дорогая, сделаем, как ты хочешь!*

Йеппе включил свет в кабинете Сайдани и, с легким вздохом усевшись за стол, открыл ноутбук. Не успел он войти во внутреннюю систему обработки данных, как дверь распахнулась и в кабинет с грохотом ввалился миниатюрный рабочий, держа под мышкой тяжелый ящик с инструментами. Не удосужившись даже поздороваться, он опустился на колени перед радиатором и принялся дубасить по нему, грубо и настойчиво. Письменный стол завибрировал. Итак, раннее зимнее утро, новое расследование и господин рабочий прямоком из ада.

Досчитав до десяти, Йеппе приступил к осуществлению профессиональной деятельности.

* * *

Звук ударившей по асфальту выхлопной трубы невозможно было ни с чем спутать. Проклятие! Значит, ему все-таки не удалось нормально закрепить ее. Это не так легко сделать, когда в твоей автомастерской нет ни ямы, ни подъемника. Сегодня он точно не успеет вернуть машину клиентке. Не забыл ли он записать ее номер телефона, чтобы ей зря не приезжать? Надо проверить по возвращении.

Миккель Хустед заорал так, что задрожало лобовое стекло, и несколько раз ударил кулаком по приборной панели, после чего снизил скорость и повернул обратно к Нёрребро. Приходилось вынужденно завершать тест-драйв. Кондиционер тоже барахлил – как бы он ни крутил колесико регулятора, в салон дул горячий, словно из сауны, воздух.

Пошарив в нагрудном кармане фланелевой рубашки, он вытащил пачку желтого «Кингса»¹⁸ и даже успел прикурить, прежде чем вспомнил, что находится в чужой машине. Он опустил стекло и поспешно затянулся еще пару раз, прежде чем недокуренная сигарета полетела на Сёндре Фасанвай. Просто сегодня был не его день. Точнее, и сегодня тоже.

Абсолютно машинально он свернул на Смаллегэде и направился к ратуше Фредериксберга. Таким образом он делал крюк. Надо было продолжать движение по Фасанвай до самой станции Нёрребро, однако руки, лежащие на руле, судя по всему, не собирались его слушаться. Выхлопная труба царапала обледеневший асфальт, люди провожали недоуменными взглядами эту консервную банку с обливающимся потом водителем внутри. Окна запотели, так что ему вновь пришлось опускать стекло, впустив в салон морозный воздух и скептические взгляды. Он уже давно нормально не мылся – зимой в мастерской сложно было организовать что-то более серьезное, чем споласкивание тела наспех. А всего лишь два года назад немыслимо было не принять душ как минимум один, а лучше пару раз в день – утром перед занятиями и после спортивной тренировки.

Перед мастерской обивщика мебели он снизил скорость и покосился на окна квартиры на втором этаже небольшого розового дома. Ее дома. Он часто так поступал, а иногда ему везло больше обычного и он успевал заметить за стеклом ее силуэт. Точнее, так: возможно, ее, возможно, кого-то из ее родителей, за столь короткий миг нельзя было разглядеть. Неважно, кто именно это был, но от одного только вида стоявшей за окном фигуры на него буквально обрушивалось ощущение счастья, чтобы в следующую секунду смениться чувством полной безнадёжности. Как молниеносная посткокаиновая лихорадка. За одну секунду он успевал испытать блаженство и желание покончить с собой.

Он проезжал мимо витрины мебельной мастерской, она вышла из переулочка, ведущего в сад Фредериксберг. Рюкзак висел на одном плече, из-под вязаной шапки струились волосы, на ногах красовались сапожки с меховой оторочкой.

Девушки в зимней одежде всегда являлись его слабостью; улыбающиеся из-под шапки глаза поражали его прямо в сердце. Она почти не изменилась, разве что немного округлилась и, естественно, повзрослела, стала более зрелой. Она шла, приклеившись взглядом к тротуару, жизнь научила ее не поднимать глаза и не задиравать подбородок. Это нравилось ему тоже. Она свернула во двор, а консервная банка двинулась дальше по Смаллегэде к дому Мёстинга. Он взглянул на нее лишь на мгновение. И все-таки взглянул. Любовь его к ней была столь же безмерна, сколь и злость на нее.

¹⁸ Датский бренд сигарет.

* * *

В животе у Йеппе урчало. Пропущенный завтрак полностью разрушал его способность сконцентрироваться, точнее, то, что осталось у него от этой способности. Он покинул кабинет Сайдани с разыгравшимся там шумным концертом и отправился в небольшую кухню отдела убийств. Он налил себе кофе, отыскал в холодильнике упаковку нарезанного ржаного хлеба и пачку масла и намазал бутерброд. Когда Йеппе вернулся, мастера уже не было. Оставалось надеяться, что он умер от перенапряжения.

Йеппе плюхнулся в рабочее кресло с тарелкой и чашкой в руках и попытался найти свободное место на столе. В результате он пристроил кофе и бутерброд на стопку каких-то явно ненужных бумаг. И как она только может работать в таком бардаке!

Пережевывая холодный хлеб, он подумал, что проблема в расследовании убийства подобного типа заключается в большом временном интервале между встречей убийцы с жертвой и наступлением смертельного исхода. Место обнаружения тела и место преступления тут не совпадают. Картина получается мутная и смазанная. Как можно было разыскивать свидетелей, если единственным очевидным событием был тот факт, что жертва выпила некий напиток? На вечеринке. В окружении более трехсот гостей. В сообществе, где все друг друга знают и являются коллегами, где только что целовались при встрече, а потом вовсю ругаются.

Йеппе листал предварительные опросы свидетелей, с которыми на данный момент успела пообщаться Сайдани. Никто из них не заметил, что Альфа Бартольди плохо себя чувствовал, никто не видел его после того, как он покинул вечеринку, никто ничего не знал. Отпив кофе, Йеппе обнаружил, что он по ошибке налил себе какао. Вкус был неожиданный, но не сказать, что неприятный, и он продолжил пить. Им придется подойти к этому расследованию иначе, чем к остальным. Сосредоточиться не на свидетельских показаниях, но на мотиве преступления, посмотреть на ситуацию глазами убийцы.

Хотел бы преступник, выбравший столь продолжительный, мучительный, садистский способ умертвить жертву, наблюдать эту медленную смерть? Можно ли предположить, что он следил за Альфой после того, как тот покинул вечеринку?

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда Йеппе впился зубами в последний кусок бутерброда.

– Кернер.

– Доброе утро, это Ньюбо. Я не помешал?.. – Судя по интонации, в действительности патологоанатом не особенно беспокоился о том, что он мог кому-то помешать.

– Нет-нет, я завтракал, но как раз только что закончил. Какие у тебя новости?

– Мы по-прежнему ожидаем токсикологического заключения по итогам вскрытия тела Альфы Бартольди, однако у меня имеются некоторые предварительные данные, позволяющие с большой долей вероятности предположить характер принятого им вещества.

– Я бы очень хотел услышать твое профессиональное предположение. – Йеппе вытащил из сумки записную книжку. Позже, когда начнется отслеживание подозреваемого, этот блокнот превратится в журнал фиксации важнейших фактов. Вообще-то Йеппе не испытывал восторга от того, что по ходу работы ему приходилось делиться сведениями с другими, однако со временем привык к неизбежности такого положения дел. Не научившись быть участником команды, невозможно стать следователем.

– Ладно. Как тебе известно, в ротовой полости, пищеводе и желудке жертвы обнаружены химические повреждения, причиненные неким разъедающим веществом. Помнишь трагический случай, имевший место несколько лет назад в техникуме?

– Ну?

– Тогда несколько подростков, обучавшихся на каменщиков, заставляли друг друга пить газировку с известковым раствором. А известь эта чрезвычайно едкая. Один из парней умер.

– Ничего себе.

– Вот именно. Как раз мы проводили тогда вскрытие. И теперешнее дело во многом напомнило мне о том случае, так как повреждения горла и пищевода сейчас, как и в тот раз, гораздо сильнее, нежели желудка. Этот факт может указывать на то, что поглощенная жидкость была щелочью и желудочная кислота в некоторой степени нейтрализовала ее. Ты следишь за мыслью?

– Да-да.

Почему же медики априори считают жутко бестолковыми всех, кто не относится к их числу? По крайней мере, так считал Ньюбо.

– Одним из наиболее сильных щелочных растворов, который широко применяется и легко доступен, является средство для прочистки стоков. В нем содержатся такие большие концентрации гидроксида калия и особенно натрия, что даже сравнительно небольшая доза способна вызвать сильнейшие ожоги.

– Какова критическая доза?

– Хм, миллилитров двести. Возможно, меньше. Все индивидуально, может зависеть от содержимого желудка, например.

– Но разве вкус не покажется странным?

– В отличие от прочих агрессивных чистящих средств, хлоросодержащих, например, средства для прочистки труб достаточно нейтральны в отношении запаха и вкуса. Если смешать его с сильно пахнущей и имеющей внятный вкус жидкостью, получится раствор, который большинство людей выпьют, ничего не заподозрив.

– Если, например, смешать с каким-нибудь алкоголем?

– Ну да. Или с какао на молоке. Или с каким-нибудь фруктовым напитком. Только не со свежим соком. Иначе кислота нейтрализует гидроксид натрия, по крайней мере в некоторой степени.

– А разве человек сразу же не почувствует боль? Прямо как только проглотит?

– Совсем не обязательно. А уж тем более не в том случае, если он уже находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Амфетамин, например, заглушает боль. Мы можем предположить, что жертва употребила нечто подобное? Естественно, токсикологическое заключение ответит нам на этот вопрос, когда...

– Запросто можно допустить такое.

– Скорее всего, жертва поначалу ощутила дискомфорт, что-то типа изжоги, если хочешь. Проблема заключается в том, что вместо того, чтобы обратиться за помощью, этот человек, судя по всему, ушел с вечеринки. – Голос Ньюбо вдруг зазвучал издалека, как будто он продолжал говорить, одновременно занимаясь своими делами на другом конце кабинета.

– У нас нет ни одного свидетельства, что он почувствовал себя плохо и попросил о помощи, прежде чем уйти. Но в какой-то момент между 23:00 и 01:00 он ушел, ни с кем не попрощавшись. Никто не заметил этого, никакого гардеробщика там не было, так что мы даже не знаем, во сколько точно это произошло.

– В конце концов поглощенная жидкость убила его. Худшее, что можно сделать в такой ситуации, это вызвать рвоту, так как, выходя обратно тем же путем, ядовитое вещество нанесет еще больше повреждений. Вот, а потом он еще и рухнул в снег и сильно переохладился.

– Так все-таки он умер от того, что выпил средство для прочистки стоков?

– Таково мое заключение, да.

– Кто вообще решится убить человека с помощью чистящего средства? Какой-то не сто-процентный метод.

– Ты ошибаешься. Если выбрать правильное средство, оно может быть чрезвычайно эффективно для подобных целей. К тому же его можно приобрести в любом супермаркете меньше чем за двадцать крон. Я даже не побоюсь сказать, что правильно подобранное чистящее средство – идеальное орудие убийства.

– То есть перед нами преднамеренное убийство? Выходит, так?..

– Притом чрезвычайно гнусное, если хочешь знать мое мнение.

Глава 7

– О, принцесса Интернет, сделай то, что тебе лучше всего удастся! С кого начнем допросы? – Анетта подвинула к себе компьютер Сары Сайдани и прищурилась. Очки у нее были все в жирных пятнах, но она не собиралась их протирать.

Сара открыла на экране фотографию, на которой Альфа Бартольди подставил язык под бутылку с шампанским, развеселив тем самым окружающих.

– В первую очередь надо связаться с присутствующими на этом снимке. Они также часто фигурируют в Инстаграме и, похоже, большую часть вечера крутились рядом с Альфой. Сёрен Вести, – она ткнула в мужчину с убранными под черную бейсболку волосами, – Лулу Суй, Рольф Токлум, Кара Скривер и Йоханнес Ледмарк.

– Который так и не объявился.

Они молча переглянулись. Скоро им придется объявить его в розыск. Когда кто-то исчезает в связи с делом об убийстве, совершенно непозволительно надолго оставлять этот факт без внимания.

– Как там зовут остальных? – Анетта пощупала волосы на макушке в поисках очков, прежде чем обнаружила их на кончике собственного носа.

– Рольф Токлум, дизайнер. Сёрен Вести.

– А девушки? Одна из них певичка, ее я как раз знаю. Кара Скривер. А как зовут вторую? Какая-то там хулубулу...

Сара Сайдани строго посмотрела на коллегу.

– Вторую зовут Лулу Суй, ясновидящая целительница.

Анетта ответила Сайдани скептическим взглядом. Лулу Суй. Что за несуразные имена у людей, работающих в этой отрасли?

– И что нам о ней известно?

– Секунду, сейчас найду ее. Лулу... С-У-Й. – Сара набирала имя на клавиатуре, произнося буквы вслух.

– Ху-лу-бу-лу. – Анетта фыркнула и ткнула Сару локтем в бок. Та оставила этот жест без комментариев.

– Ага, вот она. Та самая девушка, что распространяет благостную карму перед открытием очередного ночного клуба. В общем, прорицательница и целительница на службе у джетсеттеров¹⁹

¹⁹ Очень обеспеченные люди, которые могут позволить себе личный авиатранспорт и перемещаются на нем по всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.